

Луиза Мэй Олкотт

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Луиза Мэй Олкотт
Маленькие женщины
Серия «Всемирная литература»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66735234
Маленькие женщины: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161730-1*

Аннотация

Искренний и трогательный роман о детстве и юности четырех сестер. В Америке началась Гражданская война, глава семейства Марч ушел на фронт, а все заботы по дому легли на плечи его жены и дочерей. Старшая из сестер, шестнадцатилетняя Маргарет, – женственная и романтическая красавица с прекрасными манерами. Джо – настоящий сорванец в юбке, ей пятнадцать и она лазает по деревьям, бегает наперегонки с друзьями, катается на коньках, а может даже и подраться. Тринадцатилетняя Бесс – застенчивая и робкая девочка с добрейшим сердцем, сущий ангелочек и любимица всей семьи. Самой младшей двенадцать – положительные и отрицательные качества тесно переплетены в Эми и находятся в очень хрупком равновесии. Сестры такие разные, такие неповторимые. Но они сообща справляются с трудностями, испытывают горести и радости, мечтают о будущем и проходят непростой путь взросления.

«Маленькие женщины» – одно из самых известных произведений классической американской литературы для юношества. Его публикация принесла Луизе Мэй Олкотт небывалую славу, чрезвычайный коммерческий успех и любовь каждого нового поколения читателей.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	86
Глава 6	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

Louisa May Alcott

LITTLE WOMEN

© Матвеева А., перевод на русский язык, 2022

© Чарный В., перевод стихотворения, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Луиза Мэй
ОЛКОТТ

Маленькие женщины

МОСКВА
2022

*Иди же, книжица моя; и тем открой
Кто с радостью проникнется тобой,
Весть, что скрываешь ты в своей груди
Благую, наставляя на пути
Всех пилигримов, чтобы им пройти
Его достойней, чем сумели я и ты.
Поведай им о Милости, она
Всех раньше в путь отправилась одна,
Полезно юным девам знать о ней,
И мире, что их ждет, и стать мудрей.
Их озарит святой Господень свет
На тропах, где святой оставлен след¹.*

Из Джона Баньяна

¹ Перевод В. Чарного.

Глава 1

Игра в пилигримов

– Какое же это Рождество без подарков, – проворчала Джо, лёжа на ковре.

– Как ужасно быть бедной! – вздохнула Мэг, опустив взгляд на своё старое платье.

– Я думаю, несправедливо, что у одних девочек так много красивых вещей, а у других вообще ничего нет, – добавила маленькая Эми, оскорблённо фыркнув.

– У нас есть папа и мама, и друг у друга есть мы, – с удовлетворением сказала Бет, сидя в своем углу.

Четыре юных лица в свете камина просияли от этих ободряющих слов, но снова помрачнели, когда Джо печально сказала:

– Папы у нас нет и не будет ещё долго. – Она не сказала «возможно, никогда», но все про себя добавили это, думая о том, что отец далеко, там, где шла война.

С минуту все молчали; тогда Мэг сказала совсем другим тоном:

– Вы знаете, что мама предложила не дарить ей никаких подарков на это Рождество, потому что это будет тяжёлая зима для всех; и она думает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчины так страдают на войне.

Мы немного можем сделать, но мы можем принести свои маленькие жертвы и должны сделать это с радостью. Но я боюсь, что не смогу. — И Мэг покачала головой, так как она с сожалением подумала обо всех красивых вещах, которые она хотела.

— Но я не думаю, что то небольшое, что мы должны потратить, может принести какую-то пользу. У каждой из нас есть по доллару, и солдатам вряд ли поможет то, что мы пожертвуем им свои деньги. Я согласна не ждать подарков ни от мамы, ни от вас, но я очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так давно хотела эту книгу, — сказала Джо, которая была книжным червём.

— Я планировала потратить свой доллар на новые ноты, — сказала Бет с легким вздохом, которого никто не слышал, кроме каминной щетки и прихватки для чайника.

— Я куплю красивую коробку с карандашами Фабер. Они мне очень нужны, — решительно сказала Эми.

— Мама ничего не говорила о наших деньгах, и она не хочет, чтобы мы во всём себе отказывали. Пусть каждая из нас купит то, что хочет, и мы все доставим себе немного радости. Уверена, мы достаточно много работаем, чтобы это заслужить, — воскликнула Джо, по-мужски разглядывая каблук своих туфель.

— Я знаю, что заслуживаю, обучая этих надоедливых детей целыми днями, хотя не терпится отдыхать дома, — снова начала Мэг жалобным тоном.

– У вас нет и половины таких проблем, как у меня, – сказала Джо. – Как бы вам это понравилось, если бы вас часами держали взаперти с нервной сварливой старухой, которая не даёт вам покоя, всегда недовольна и донимает вас так, что хочется выброситься в окошко или заплакать?

– Нехорошо жаловаться, но я думаю, что нет хуже работы, чем мыть посуду и поддерживать порядок в доме. Терпеть этого не могу, и руки как деревянные – не могу нормально играть на пианино. – И Бет посмотрела на свои мозолистые руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

– Не думаю, что кто-нибудь из вас страдает так же, как я, – воскликнула Эми, – ведь вам не нужно ходить в школу с нахальными девчонками, которые издеваются над вами, когда вы не выучили уроки, и смеются над вашими платьями, и *клеят этикетки* на вашего отца, потому что он небогат, и оскорбляют вас, если ваш нос не слишком хорош.

– Если ты имеешь в виду «клеят позором», то я бы согласилась, но не говори об этикетках, папа же не банка с огурцами, – смеясь, предложила Джо.

– Я прекрасно знаю, что имею в виду, и не смей надо мной насмехаться. Лучше сама правильно употребляй слова и улучшай свой лексикон, – с достоинством парировала Эми.

– Не ругайтесь, девочки. Джо, неужели ты не хотела бы, чтобы папа не лишился денег тогда, когда мы были маленькими? О Боже! Какими бы мы были счастливыми и как нам было бы хорошо, если бы у нас не было забот! – сказала стар-

шая сестра Мэг, которая ещё помнила лучшие времена.

– Ты сказала на днях, что считаешь нас гораздо счастливее детей Кингов, потому что они постоянно ссорятся и задираются, хотя они и богаты.

– Да, я правда так говорила, Бет. Ну, я считаю, что так и есть. Потому что, хотя мы и вынуждены работать, мы постоянно дурачимся, и мы довольно развесёлая компания, как сказала бы Джо.

– Джо слишком много ругается! – заметила Эми, с упрёком посмотрев на длинную фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тут же села, положила руки в карманы и начала насвистывать.

– Не надо так делать, Джо. Это выглядит по-мальчишески!

– Вот потому я это и делаю.

– Я не выношу грубых, неженственных девочек!

– Ненавижу манерных, жеманных глупышек!

– Птички в своих гнёздышках живут мирно, – пропела миротворица Бет с таким уморительным выражением лица, что резкий тон девочек смягчился от смеха, а «пикировка» на время прекратилась.

– Правда, девочки, вы обе виноваты, – сказала Мэг, начав читать нотации в своей манере старшей сестры. – Ты уже взрослая, пора бы оставить мальчишеские шалости и вести себя как подобает, Джозефина. Когда ты была маленькой девочкой, это не было так важно, но теперь, когда ты так вы-

росла и убираешь волосы в пучок, тебе надо помнить, что ты юная леди.

– Я не такая! И если из-за своей причёски я кажусь юной леди, то я буду носить хвостики, пока мне не исполнится двадцать, – воскликнула Джо, снимая с волос сетку и встряхивая своей каштановой гривой. – Мне тошно думать, что я должна вырасти и стать мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной, как китайская астра! Хватит и того, что я родилась девочкой, хотя я люблю играть с мальчиками, работать и вести себя так же, как они! И почему я не мальчик? А сейчас всё хуже, чем когда-либо, потому что я очень хочу пойти воевать вместе с папой. А всё, что я могу, – это оставаться дома и вязать, как убогая старуха!

И Джо стала трясти синим армейским носком так, что спицы загремели, как кастаньеты, а клубок запрыгал по всей комнате.

– Бедная Джо! Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придётся тебе довольствоваться тем, что ты превратила своё имя в мужское и играешь роль брата перед нами, девочками, – сказала Бет, приглаживая взъерошенные волосы Джо рукой, прикосновение которой не могло бы сделать грубым никакое мытьё посуды или вытирание пыли.

– Что касается тебя, Эми, – продолжила Мэг, – ты слишком привередлива и чопорна. Твоё важничанье сейчас выглядит смешным, но ты можешь вырасти жеманной маленькой гусыней, если не обратишь на это внимание. Мне нра-

вятся твои хорошие манеры и изысканная речь, когда ты не стараешься казаться элегантной. Но твои нелепые выражения так же неуместны, как и словечки Джо.

– Если Джо – девчонка-сорванец, а Эми – гусыня, то кто же тогда я, скажи, пожалуйста? – спросила Бет, готовая выслушать нотацию.

– Ты прелесть, и больше ничего, – ответила Мэг с теплотой, и никто не стал с ней спорить, потому что Мышка, как её называли дома, была любимицей всей семьи.

Так как юные читатели всегда интересуются, как выглядят персонажи, мы воспользуемся этим моментом, чтобы набросать для них небольшой эскиз четырёх сестёр, которые были заняты вязанием в сумерках, пока за окном тихо падал декабрьский снег, а в камине весело потрескивал огонь. Комната была уютной, хотя ковёр вытерся, а мебель была очень простой: несколько неплохих картин висело на стенах, книги заполняли полки в нишах вокруг окон, хризантемы и пуансетии цвели на подоконниках, и уютная атмосфера гармонии наполняла дом.

Маргарет, старшей из четырёх, было шестнадцать, она была очень симпатичной, пухленькой и спокойной, с большими глазами, густыми мягкими каштановыми волосами, милым ротиком и белыми руками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо была очень высокой, худой и смуглой и напоминала жеребёнка, потому что она, казалось, никогда не знала, куда пристроить свои длинные конечно-

сти, которые ей очень мешали. У неё были чётко очерченные губы, комичный нос и острые серые глаза, которые, казалось, всё замечали и были то сердитыми, то странными, то задумчивыми. Длинные, густые волосы были её единственной привлекательной чертой, но обычно она убирала их в пучок и накрывала сеткой, чтобы они ей не мешали. Джо сутулилась, у неё были крупные кисти рук и ступни, и беглого взгляда на её одежду было достаточно, чтобы убедиться, как некомфортно было девочке от того, что она стремительно превращалась в женщину, и как сильно ей это не нравилось. Элизабет, или Бет, как все её называли, была румяной светлоглазой девочкой тринадцати лет с гладкими волосами, с застенчивыми манерами, робким голосом и выражением спокойствия на лице, которое редко чем-то нарушалось. Отец называл её «Маленькая Мисс Безмятежность», и это прозвище идеально ей подходило, потому что она, казалось, жила в своём собственном счастливом мирке, лишь иногда отваживаясь покидать его, чтобы встретиться с теми немногими, кому она доверяла и кого по-настоящему любила. Эми, младшая сестра, была самой важной персоной, по крайней мере, по её личному мнению. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и выющимися на концах светлыми волосами до плеч, бледная и стройная и всегда держащая себя как барышня, не забывающая о своих манерах. Описание же характеров четырёх сестёр мы прибережём на потом.

Часы пробили шесть, и, выметая золу из камина, Бет по-

ставила к огню пару домашних туфель, чтобы их согреть. Каким-то образом вид старой обуви хорошо подействовал на девочек, потому что мама должна была скоро прийти, и они желали скорее её встретить. Мэг перестала читать нотации и зажгла лампу, Эми встала с кресла, хотя её об этом никто не просил, а Джо забыла, как сильно она устала, сев и подвинув туфли поближе к огню.

– Они довольно поношенные. Нужно купить мамочке новые.

– Я подумывала купить ей новые туфли за свой доллар, – сказала Бет.

– Нет, я куплю! – воскликнула Эми.

– Я старшая, – начала Мэг, но Джо решительно вмешалась:

– Я теперь мужчина в семье, пока папы нет дома, и я куплю ей туфли, потому что он велел мне заботиться о ней, пока он не вернётся.

– Я скажу вам, как мы поступим, – сказала Бет, – давайте каждая подарит маме что-нибудь на Рождество, а себе мы покупать ничего не будем.

– Это так похоже на тебя, дорогая! А что же мы ей подарим? – воскликнула Джо.

Все на минуту глубоко задумались, а потом Мэг объявила о своём решении, словно эта идея была подсказана ей видом её собственных симпатичных рук:

– Я подарю ей пару хороших перчаток.

– Армейские ботинки, что может быть лучше, – воскликнула Джо.

– Несколько носовых платков с подрубленными краями, – сказала Бет.

– Я куплю флакончик духов. Ей они нравятся и стоят недорого, так что у меня останется немного денег, чтобы купить себе карандаши, – добавила Эми.

– А как же мы вручим ей все эти подарки? – спросила Мэг.

– Положим их на стол, приведём её и будем смотреть, как она открывает свёртки. Разве вы не помните, мы так делали в дни нашего рождения? – ответила Джо.

– Я так испугалась, когда подошла моя очередь сидеть в кресле в короне и смотреть, как вы все подходите, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне понравились подарки и поцелуи, но было так страшно, когда вы сидели и смотрели на меня, пока я открывала свёртки, – сказала Бет, в то время как огонь одновременно подрумянивал её щеки и гренки к чаю.

– Пусть мамочка думает, что мы покупаем подарки себе, а затем мы устроим ей сюрприз. Мы должны пойти по магазинам завтра после обеда, Мэг. Нам ещё так много надо подготовить для спектакля в рождественскую ночь, – сказала Джо, горделиво расхаживая туда-сюда, сцепив руки у себя за спиной.

– Я последний раз участвую в таком спектакле. Я слишком взрослая для подобных вещей, – заметила Мэг, которая

была сущим ребёнком во всём, что касалось шалостей с «переодеванием».

– Ты не прекратишь этим заниматься, уж я-то знаю, пока у тебя есть возможность разгуливать в белом одеянии с распущенными волосами и носить украшения из золотой бумаги. Ты лучшая актриса из всех нас, и нашему театру придёт конец, если ты покинешь сцену, – сказала Джо. – Нам нужно провести репетицию прямо сейчас. Иди сюда, Эми, и повтори сцену с обмороком, потому что ты играешь в ней так зажато, будто аршин проглотила.

– Ничего не могу с этим поделать. Я никогда не видела, как падают в обморок, и я не хочу вся покрыться синяками, рухнув плашмя, как ты. Если у меня получится упасть естественно, я так и сделаю. Если я не смогу, то опущусь в кресло и это будет выглядеть изящно. Мне всё равно, даже если Гуго будет наставлять на меня пистолет, – возразила Эми, которая была лишена драматического таланта, но её выбрали на эту роль потому, что она была достаточно маленькой, чтобы злодей из пьесы мог унести её, пронзительно вопящую, за кулисы.

– Сделай вот, как. Сожми руки так и отступай, пошатываясь и неистово крича: «Родриго, спаси меня! Спаси меня!» – И Джо удалялась с мелодраматическим криком, который был поистине душераздирающим.

Эми повторила за ней, но вытянула прямые руки так скованно и рванулась вперёд, как машина, а её «О!» больше бы-

ло похоже на то, что её укололи булавкой, чем на страх и терзания. Джо отчаянно застонала, а Мэг смеялась во весь голос, в то время как у Бет подгорали гренки, пока она с интересом смотрела на эту смешную сцену.

– Это бесполезно! Постарайся сделать всё возможное, когда придёт время, но если зрители будут смеяться, не вини в этом меня. Продолжай, Мэг.

Дальше всё шло гладко, так как дон Педро бросил вызов миру в речи на две страницы без единого перерыва. Ведьма Хейгар произнесла ужасное заклинание над своим кипящим котелком с жабами, что произвело роковой эффект. Родриго мужественно разорвал свои цепи, а Гуго умер от угрызений совести и мышьяка с иступлённым: «Ха! Ха!»

– Это лучшее из всего, что мы ставили, – сказала Мэг, когда погибший злодей сел и потёр локти.

– Не понимаю, как ты можешь так играть и писать такие великолепные пьесы, Джо, ты просто Шекспир! – воскликнула Бет, которая была твёрдо убеждена, что её сестры талантливны абсолютно во всём.

– Не совсем, – скромно ответила Джо. – Но я правда считаю, что «Проклятие ведьмы», оперная трагедия, – довольно неплохая вещица, хотя я хотела бы попробовать поставить «Макбета», если бы у нас был люк для призрака Банко. Мне всегда хотелось сыграть роль убийцы. «Откуда ты, кинжал, возникший в воздухе передо мною?»² – пробормотала Джо,

² «Макбет». Перевод Б. Пастернака. (Здесь и далее прим. ред.)

вращая глазами и хватая воздух, как это делал на сцене один знаменитый трагик, которого она видела в театре.

– Нет, это вилка для гренков, а на ней вместо хлеба мамина туфля. Бет слишком увлеклась театром! – воскликнула Мэг, и репетиция окончилась всеобщим взрывом смеха.

– Рада видеть вас такими весёлыми, девочки мои, – раздался звонкий голос у двери, и актёры и зрители повернулись, чтобы поприветствовать высокую даму с выражением материнской заботы на лице, которое всегда как будто спрашивало: «Чем я могу вам помочь?» и которое было поистине восхитительным. Она не была роскошно одета, но выглядела благородно, и девочки думали, что серый плащ и немодная шляпка скрывают самую великолепную маму в мире.

– Ну, дорогие мои, как вы сегодня провели время? Я так долго возилась, готовя посылки к завтрашней отправке, и не смогла прийти домой пообедать. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твой насморк, Мэг? Ты выглядишь смертельно усталой, Джо. Иди сюда и поцелуй меня, детка.

Задавая эти материнские вопросы, миссис Марч сняла с себя мокрую одежду, надела тёплые домашние туфли и села в мягкое кресло, притянула Эми к себе и приготовилась насладиться самым счастливым часом в конце напряжённого дня. Девушки порхали по дому, стараясь создать уют, каждая по-своему. Мэг накрыла чайный столик, Джо принесла дрова и расставила стулья, роняя и с грохотом переворачивая всё, к чему прикасалась. Бет тихо и хлопотливо суети-

лась между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все они собрались у стола, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть для вас кое-что на десерт.

Лучезарная улыбка мелькнула на лицах, как вспышка солнечного света. Бет захлопала в ладоши, забыв о печенье, которое держала в руке, а Джо подбросила вверх салфетку, воскликнув:

– Письмо! Письмо! Папе – троекратное ура!

– Да, прекрасное длинное письмо. Он здоров и считает, что сможет пережить холода лучше, чем мы думали. Он передаёт наилучшие пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, – сказала миссис Марч, похлопывая по карману так, будто у неё там было сокровище.

– Быстрее доедаем! Хватит отгибать мизинец и жеманиться над тарелкой, Эми, – воскликнула Джо, захлебываясь чаем и роняя хлеб сливочным маслом вниз на ковёр, в нетерпении поскорее приступить к десерту.

Бет больше ничего не ела и ускользнула в свой тёмный уголок ожидать остальных, размышляя о предстоящем удовольствии.

– Я думаю, как замечательно, что отец пошёл на фронт капелланом, потому что он уже старше призывного возраста и недостаточно здоров, чтобы быть солдатом, – с теплотой сказала Мэг.

– А я хочу быть барабанщиком или *vivan*³... как его там? Или медсестрой, чтобы быть рядом с папой и помогать ему! – воскликнула Джо со вздохом.

– Должно быть, очень неудобно спать в палатке и есть всякую невкусную еду и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

– Когда он вернётся домой, мама? – спросила Бет с небольшой дрожью в голосе.

– Ещё нескоро, дорогая, если только не заболит. Он останется там и будет добросовестно исполнять свой долг, сколько сможет, и мы не будем просить его вернуться даже на минуту раньше, чем положено. А теперь я прочту вам письмо.

Все устроились поближе к огню: мама села в большое кресло, Бет – у её ног, Мэг и Эми уселись на обе ручки кресла, а Джо опёрлась о спинку, где никто не смог бы увидеть, как она расчувствовалась. Из всех писем, что были написаны в те нелёгкие времена, лишь немногие не были трогательными, особенно те, которые отцы отправляли домой. В этом письме мало говорилось о тех невзгодах, которые пришлось пережить, о тех опасностях, с которыми пришлось столкнуться, или о преодолении тоски по дому. Это было весёлое, обнадеживающее письмо, полное живых описаний солдатской жизни, походов и новостей о войне, и только в конце сердце автора преисполнялось отеческой любовью и тоской по маленьким девочкам, которые ждут его дома.

³ *Vivandier* – маркитантка.

«Передай им, что я их нежно люблю и целую. Я думаю о них днём, молюсь за них ночью и во все времена нахожусь лучшее утешение в их привязанности ко мне. Похоже, что ещё год нам предстоит ожидать встречи, это долгий срок, но напомни им, что пока мы ждём, мы можем трудиться, так что не нужно тратить впустую эти тяжёлые дни. Я знаю, они помнят всё, что я им говорил: чтобы для тебя они были любящими детьми, честно исполняли свой долг, храбро сражались со своими заядлыми врагами и преодолевали себя так усердно, что когда я вернусь, я мог бы гордиться моими маленькими жёнами и любить их больше, чем когда-либо».

Едва услышав эти слова, все прослезились. Джо не постеснялась большой слезы, скатившейся с кончика её носа, а Эми не побоялась смять свои локоны, спрятав лицо на плече матери и зарыдав:

– Я такая самовлюблённая! Но я постараюсь стать лучше, чтобы он не разочаровался во мне.

– Мы все постараемся, – воскликнула Мэг. – Я слишком много думаю о своей внешности и не хочу работать, но я исправлюсь, если смогу.

– Я постараюсь стать такой, как он любит меня называть, «маленькой женщиной», и не буду грубой и сумасбродной, но исполню свой долг здесь, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь ещё, – сказала Джо, думая, что сохранять

самообладание дома будет гораздо более сложной задачей, чем столкнуться с парой мятежников на юге.

Бет ничего не сказала, но вытерла слёзы синим армейским носком и начала вязать изо всех сил, чтобы не терять времени, выполняя свой непосредственный долг. Она решила в своей кроткой юной душе стать именно такой, какой папа надеялся встретить её, если новый год принесёт ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав своим весёлым голосом:

– Помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима в небесную страну»⁴, когда были маленькими? Для вас не было большей радости, чем когда я привязывала мешки с лоскутами вам на спины в качестве «тяжкой ноши», давала вам шляпы, посохи и бумажные свитки и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Градом Разрушения, всё выше и выше до крыши, где лежали красивые вещи, чтобы вы могли собрать их и построить Небесный Град.

– Как же это было весело, особенно проходить между львами, сражаться с Аполлионом⁵ и пересекать долину с демонами, – сказала Джо.

– Мне нравился тот момент, когда котомки падали и ка-

⁴ «Путешествие пилигрима» – книга английского писателя и проповедника Джона Баньяна (1628–1688).

⁵ Аполлион – греческое имя Абаддона, ангела бездны и смерти в мифологии иудаизма.

тились вниз, – сказала Мэг.

– Я плохо всё это помню, за исключением того, что я боялась погреба и тёмной прихожей, но всегда любила торт и молоко, которые нас ожидали наверху. Если бы я не была слишком взрослой для таких вещей, я бы не отказалась поиграть так снова, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских шалостей в свои зрелые двенадцать лет.

– Мы никогда не будем слишком взрослыми для этого, моя дорогая, потому что это игра, в которую мы так или иначе играем всю жизнь. Наши тяжкие ноши всегда с нами, наша дорога перед нами, а жажда добра и счастья является проводником, который ведёт нас через многие неприятности и ошибки к миру, который и является истинным Небесным Градом. А сейчас, мои маленькие паломники, предположим, что вы снова отправляетесь в путь, не в игре, а по-настоящему, и посмотрим, как далеко вы сможете добраться до того, как папа вернётся домой.

– Правда, мама? А где наши котомки? – спросила Эми, которая понимала все буквально.

– Каждая из вас уже рассказала, каково её бремя сейчас, кроме Бет. Я думаю, что, скорее всего, у неё нет такой тяжкой ноши, – сказала мама.

– Нет, она у меня есть. Моя ноша – посуда и тряпки для вытирания пыли, зависть к девочкам, у которых есть хорошее пианино, а ещё я боюсь людей.

Котомка с тяготами Бет была такой забавной, что всем за-

хотелось рассмеяться, но никто и не подумал это сделать, потому что это бы сильно ранило её.

– Давайте так и сделаем, – задумчиво сказала Мэг. – Эта игра всего лишь другое название для стремления стать добродетельными, а история пилигрима из романа может помочь нам, потому что, пусть мы и хотим быть добродетельными, это тяжкий труд, и мы забываем о своих стремлениях, плохо стараемся.

– Мы были сегодня в Топи Уныния, но мама пришла и вытащила нас, как Помощь в книге⁶. У нас должны быть свои свитки с напутствиями, как у Христианина. Как нам их найти? – спросила Джо, обрадовавшись, что эта выдумка придала бы немного романтики слишком скучной задаче исполнять свой долг.

– Загляните под ваши подушки рождественским утром, и вы найдёте там свои путеводители, – ответила миссис Марч.

Они говорили о своём новом замысле, пока старушка Ханна убирала со стола, потом достали четыре корзинки с принадлежностями для шитья, и иголки запорхали в воздухе, когда девочки начали шить простыни для тётушки Марч. Шить было скучно, но сегодня никто из-за этого не ворчал. Они приняли предложение Джо разделить длинные швы на четыре части и назвать эти четверти Европой, Азией, Африкой и Америкой и таким образом основательно продвинулись, особенно когда говорили о разных странах, прошивая

⁶ То есть в «Путешествии пилигрима».

свой путь через них.

В девять часов они прекратили работать и запели, как обычно делали перед сном. Никто, кроме Бет, не мог извлечь хоть какую-то музыку из старого фортепиано – лишь она могла прикоснуться к пожелтевшим от старости клавишам и сыграть приятный аккомпанемент к простым песням. Голос Мэг звучал как флейта, и они с матерью солировали в их маленьком хоре. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо мило блуждала по мелодии, как ей заблагорассудится, всегда вступая невпопад, хрипя или выводя трели, что портило даже самый меланхолический мотив. Они пели всегда, с тех пор как научились говорить...

Ты сверкай, звезда ночная...

и это стало домашней традицией, ведь мама была прирождённой певицей. Первым, что они обычно слышали по утрам, был голос мамы, ходившей по дому и распевавшей, как жаворонок, а ночью они засыпали под то же весёлое пение, потому что девочкам никогда не надоедала эта колыбельная.

Глава 2

Счастливого рождества

Джо проснулась первой, когда наступил седой рассвет рождественского утра. У камина не висели носки, и она почувствовала себя такой же разочарованной, как когда-то давно, когда её носочек упал, потому что был переполнен подарками. Потом она вспомнила про обещание мамы и, запустив руку под подушку, вытащила маленькую книжку в тёмно-красной обложке. Она была ей хорошо знакома – это была прекрасная старая история о лучшей жизни, когда-либо прожитой на земле, и Джо почувствовала, что это настоящий путеводитель для любого паломника, отправляющегося в долгий путь. Она разбудила Мэг, пожелав ей счастливого Рождества, и предложила ей тоже посмотреть, что у той под подушкой. Оттуда была извлечена зеленоватая книга, с такой же открыткой внутри и несколькими пожеланиями, благодаря которым они так любили мамины подарки. Через некоторое время проснулись Бет и Эми, которые тоже порылись под подушками и нашли свои книжечки, одну серого цвета, а другую – голубого, и все они принялись их рассматривать и обсуждать. Близился день, и небо на востоке розовело.

Несмотря на некоторое тщеславие, по натуре Маргарет была доброй и благочестивой, что произвольно влияло и

на сестёр, особенно на Джо, которая очень нежно её любила и слушалась, потому что она никогда не попрекала их понапрасну.

– Девочки, – серьёзно сказала Мэг, переводя взгляд от взъерошенной головы рядом с собой к двум маленьким чепчикам в соседней комнате. – Мама хочет, чтобы мы читали, любили и берегли эти книги, и мы должны начать это делать прямо сейчас. Раньше мы добросовестно выполняли эту обязанность, но с тех пор, как папа ушёл на войну и тяготы, связанные с ней, выбили нас из колеи, мы стали многое делать спустя рукава. Вы можете поступать, как вам угодно, но я буду держать свою книгу на столике рядом с кроватью и буду читать понемногу каждое утро, как только проснусь, ведь я знаю, что это пойдёт мне на пользу и будет поддерживать меня в течение дня.

Затем она открыла свою новую книгу и начала читать. Джо обняла сестру и, прислонившись щекой к её щеке, тоже приступила к чтению с кротким выражением, которое так редко можно было увидеть на её беспокойном лице.

– Какая же Мэг хорошая! Эми, давай тоже последуем их примеру. Я помогу тебе со сложными словами, а они объяснят нам то, что мы не поймём, – прошептала Бет, впечатлившись красотой книг и примером сестры.

– Я рада, что моя книга голубая, – сказала Эми, а потом в комнатах стало очень тихо, лишь бесшумно переворачивались страницы, и свет зимнего солнца просачивался в окна,

чтобы прикоснуться к светлым головам и серьёзным лицам, будто поздравляя девочек с Рождеством.

– А где мама? – спросила Мэг, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить маму за подарки.

– Бог её знает. Какой-то бедолага приходил милостыню просить, и ваша мама сразу пошла посмотреть, что ему нужно. Никогда ещё не было на свете женщины, которая так же раздавала еду и питьё, одежду и дрова всем нуждающимся, – ответила Ханна, жившая с семьёй с момента рождения Мэг и которую все считали скорее другом, чем служанкой.

– Думаю, она скоро вернётся, поэтому можете подогреть пирожки и накрывать на стол, – сказала Мэг, осматривая подарки, которые хранились в корзине под диваном, готовые к вручению в нужное время. – А где же флакончик одеколона от Эми? – спросила она, когда не обнаружила в корзине одеколон.

– Она вынула его минуту назад и пошла повязать на него ленту или что-то в этом роде, – ответила Джо, которая ходила по комнате, пританцовывая, чтобы немного разносить новые армейские ботинки.

– Как красиво смотрятся мои носовые платки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, – сказала Бет, с гордостью глядя на несколько неровные буквы, которые стоили ей большого труда.

– Благословенное дитя! Она взяла и вышила на них «мама» вместо «М. Марч». Как забавно! – воскликнула Джо,

рассматривая один из платочков.

– А что? Разве это неправильно? Я подумала, что так будет лучше, потому что у Мэг такие же инициалы – М. М., а я не хочу, чтобы этими платками пользовался кто-то, кроме мамы, – смутившись, сказала Бет.

– Всё в порядке, дорогая, и это очень хорошая идея, к тому же вполне разумная, потому что теперь никто не ошибётся. И ей будет очень приятно, я знаю, – сказала Мэг, хмуро посмотрев на Джо, и улыбнулась Бет.

– А вот и мама. Прячем корзину, быстро! – воскликнула Джо, когда хлопнула дверь и в зале послышались шаги.

Эми поспешно вошла в комнату и выглядела довольно смущённой, когда встретила ожидавших её сестёр.

– Где ты была и что это у тебя за спиной? – спросила Мэг, удивившись, увидев, что обычно ленивая Эми сегодня так рано вышла из дома, судя по её капору и плащу.

– Не смейся надо мной, Джо! Я не хотела, чтобы кто-то узнал раньше времени. Я хотела только поменять маленькую бутылочку на большую, и я отдала все свои деньги, чтобы купить её, я правда постараюсь больше никогда не быть эгоисткой.

Эми показала красивый большой флакон, заменивший дешёвый, и выглядела такой серьёзной и смиренной в своём маленьком усилии вести себя достойно, что Мэг тут же обняла её, а Джо назвала её «молодцом», в то время как Бет подбежала к окну и сорвала свою лучшую розу, чтобы укра-

свить этот роскошный флакон.

– Понимаете, мне стало стыдно за свой подарок сегодня утром после того, как я почитала книгу и мы поговорили о том, как важно быть хорошими, поэтому, как только я встала, я побежала в магазин за углом и поменяла флакон, и я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый.

После того как снова хлопнула входная дверь, корзина отправилась под диван, а проголодавшиеся девочки поторопились к столу.

– Счастливого Рождества, мамочка! Желаем встретить ещё много таких праздников! Спасибо тебе за книги. Мы уже прочли немного и будем читать эти книги каждый день, – хором воскликнули они.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я рада, что вы сразу начали их читать, и надеюсь, что продолжите это делать и впредь. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что вам сказать. В доме неподалёку отсюда лежит бедная больная женщина с маленьким новорождённым ребёнком. Шестеро детей жмутся друг к другу в одной постели, чтобы не замёрзнуть, потому что у них нет дров. Им нечего есть, и старший мальчик пришёл сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы отдадите им свой завтрак в качестве рождественского подарка?

Все они были необычайно голодны, прождав мать почти час, и на минуту все замолчали, но лишь на минуту, потому что Джо порывисто воскликнула:

– Я так рада, что ты пришла до того, как мы начали завтракать!

– Можно я пойду и помогу отнести всё бедным детишкам? – нетерпеливо спросила Бет.

– Я возьму сливки и булочки, – добавила Эми, решительно отказываясь от угощения, которое ей нравилось больше всего.

Мэг уже упаковывала гречневую кашу и складывала хлеб в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с довольной улыбкой. – Вы все поможете мне, а когда мы вернёмся, то будем завтракать хлебом с молоком, а к обеду наедаемся упущенное.

Вскоре всё было готово, и процессия двинулась в путь. К счастью, было ещё довольно рано, и они шли по закоулкам, поэтому мало кто их видел, и никто не посмеялся над этой странной компанией.

Они вошли в бедную, пустую, убогую комнату с разбитыми окнами, потухшим камином, рваным постельным бельём, больной матерью, плачущим ребёнком и оравой бледных, голодных детей, свернувшихся калачиком под одним старым одеялом, пытаясь согреться.

С каким же изумлением распахнулись большие глаза и заулыбались синие губы, когда девочки вошли!

– Ах, mein Gott!⁷ Это добрые ангелы явились к нам! – ска-

⁷ Mein Gott – Мой Бог! (нем.)

зала бедная женщина, заплакав от радости.

– Какие странные ангелы в капорах и варезках! – сказала Джо и всех этим рассмешила.

Через несколько минут и правда могло показаться, что в этом бедном жилище поработали добрые духи. Ханна, которая принесла дрова, развела огонь и заткнула разбитые стёкла старыми шляпами и собственным плащом. Миссис Марч накормила мать овсянкой с чаем, утешая её обещаниями помощи, пока переодевала ребёнка так нежно, как будто он был её собственным.

Тем временем девочки накрыли на стол, усадили детей вокруг очага и накормили их, как голодных птенцов, смеясь, разговаривая и пытаясь понять их смешной ломаный английский.

– Das ist gut! Die Engelkinder!⁸ – восклицали бедняжки, пока ели и согревали свои багровые руки у уютного огня.

Девочек никогда раньше не называли ангелочками, и им это было очень приятно, особенно Джо, которую с самого рождения все считали проказницей⁹. Это был очень приятный завтрак, хоть им и не досталось ни крошки. И когда они ушли, оставив уют позади, полагаю, что во всём городе не нашлось бы кого-то веселее, чем четверо голодных девочек, пожертвовавших своим завтраком, довольствуясь хлебом с

⁸ Das ist gut! Die Engelkinder! – Хорошо! Дети – ангелы» (нем.)

⁹ В оригинале Олкотт употребляет слово «Sancho», употреблявшееся матерями в Новой Англии XIX века в отношении непослушных сыновей.

молоком в рождественское утро.

– Это и значит любить ближнего больше, чем самого себя, и мне это нравится, – сказала Мэг, когда они раскладывали подарки, пока мать наверху собирала одежду для бедняжек Хюммель.

Не бог весть какое роскошное зрелище, но в эти несколько свёртков было вложено так много любви, а стоявшая на столе высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и вьющимися стеблями придавала ему весьма элегантный вид.

– Она идёт! Начинай, Бет! Открывай дверь, Эми! Троекратное «ура» в честь мамочки! – воскликнула Джо, подпрыгивая на месте, в то время как Мэг пошла проводить маму к почётному месту. Бет заиграла свой самый весёлый марш, Эми распахнула дверь, а Мэг с большим достоинством ввела мать под руку в комнату. Поражённая, растроганная миссис Марч улыбалась, рассматривая подарки дочерей глазами, полными слёз, и читая прикреплённые к ним записочки. Туфли она надела сразу, а новый носовой платок, надутый одеколоном Эми, сунула в карман; розу приколола к груди, а красивые перчатки пришли ей впору. Было много искренних слов любви, смеха и поцелуев в той нехитрой манере, которая делает семейные праздники такими приятными, такими милыми, что о них вспоминают ещё долгое время спустя; а затем все принялись за работу.

Утренние благотворительные мероприятия и церемонии заняли так много времени, что остаток дня был полностью

посвящён подготовке к вечернему празднеству. Девочки были ещё слишком юными, чтобы часто посещать театр, и недостаточно богатыми, чтобы тратить много денег на свои спектакли, но постоянно ломали голову над тем, как сделать всё необходимое для домашних представлений. Некоторые их изобретения были очень хитроумными: картонные гитары, старинные лампы из старомодных маслёнок, оклеенных серебряной бумагой, роскошные одеяния из старого ситца, сверкающие звёздами, вырезанными из крышек консервных банок с мариновальной фабрики. Доспехи были обшиты жестяными ромбами, которые оставались после вырезания звёзд из тех же полезных крышек. Большая комната была местом многих невинных развлечений.

Юноши не допускались к участию в представлениях, поэтому Джо сама играла мужские роли сколько душе угодно и получала огромное удовольствие от выступлений в красновато-коричневых кожаных сапогах, подаренных ей подружкой, знакомой с дамой, которая была приятельницей одного актёра. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, которые когда-то использовались художником для написания какой-то картины, были главными сокровищами Джо, и она появлялась в них на сцене при каждом удобном случае. Малочисленность труппы обусловила необходимость двух главных актёров исполнять по нескольку ролей в каждой пьесе, и они, несомненно, заслужили похвалу за те усилия, с которыми они заучивали три или четыре разные роли, надевая и

снимая различные костюмы и, кроме того, руководя постановкой. Это безобидное развлечение отлично тренировало память и занимало много часов, которые в противном случае они провели бы в праздности, в одиночестве или менее благоприятном обществе.

В рождественскую ночь на кровати, служившей бельэтажем, сгрудилась дюжина приглашённых девочек, сидевших перед сине-жёлтыми ситцевыми занавесками в подбострастном волнении. Из-за занавески доносились шорох и шёпот, запах дыма от лампы и периодическое хихиканье Эми, которая была склонна смеяться до колик от волнения. Вскоре раздался звонок, занавес раздвинулся, и началась оперная трагедия.

«Мрачный лес», согласно единственной программке спектакля, был представлен несколькими растениями в горшках, зелёным сукном на полу и пещерой чуть поодаль. Пещера эта была сделана из сушилки для белья вместо крыши, комодов вместо стен, а внутри вовсю горел небольшой очаг с чёрным котелком, над которым склонилась старая ведьма. На сцене было темно, и свет от очага производил прекрасный эффект, тем более что из котелка шёл настоящий пар, когда ведьма снимала с него крышку. Спустя мгновение, после того как утихли первые восторги публики, в комнату вошёл Гуго, злодей с чёрной бородой и мечом, лязгающим на боку, в шляпе с опущенными полями, в таинственном плаще и сапогах. Пройдясь взад и вперёд в силь-

ном возбуждении, он хлопнул себя по лбу и разразился диким воплем, воспевая свою ненависть к Родриго, свою любовь к Заре и свою столь привлекательную мысль об убийстве первого и покорении второй. Грубые интонации голоса Гуго, время от времени вскрикивавшего, когда его одолевали чувства, произвели сильное впечатление, и публика зааплодировала, как только он остановился, чтобы перевести дух. Поклонившись с видом человека, привыкшего к публичному восхвалению, он прокрался в пещеру и повелительным тоном приказал Хейгар выйти: «Эй ты, приспешница моя! Ты мне нужна!»

Из пещеры вышла Мэг в красно-чёрном одеянии, с посохом и каббалистическими знаками на плаще; седые пряди из конского волоса обрамляли её лицо. Гуго потребовал у неё одно зелье, которое заставило бы Зару обожать его, а другое – чтобы уничтожить Родриго. Хейгар, полная драматизма, обещала и то, и другое, продолжая призывать духа, который принесёт приворотное зелье.

О, воздушный дух, ты волхв?
Варишь зелья? На мой зов
Ты приди, сын роз, сюда!
Дух, роса – твоя еда!

Скор, как эльф, готовь отвар,
Полный приворотных чар,
Быстро действующий! Дух,

Отвечай, я зелье жду!

Зазвучала тихая мелодия, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в молочно-белом одеянии, со сверкающими крыльями, золотыми волосами и венком из роз на голове. Взмахнув волшебной палочкой, дух запел:

Я прилетел, оставил за плечом
На серебре Луны просторный дом
Я здесь! Используй заговор с умом
И ослабеть не дай всей силе в нём!

И, уронив к ногам ведьмы маленькую позолоченную бутылочку, дух исчез. Ещё одна ария Хейгар вызвала другой дух, на этот раз не очень привлекательный, потому что теперь на сцене с грохотом появился уродливый чёрный бес и, прохрипев что-то в ответ, швырнул тёмную бутылочку в Гуго и исчез со зловещим смехом. Пропев слова благодарности и сунув зелья в сапоги, Гуго удалился, а Хейгар сообщила зрителям, что, поскольку в прошлом он убил нескольких её друзей, она прокляла его и теперь намерена отомстить, расстроив все его планы. Затем занавес опустился, и во время антракта зрители отдыхали и ели конфеты, обсуждая достоинства пьесы.

Прежде чем занавес снова поднялся, долгое время раздавался громкий стук молотков, но когда стало ясно, какой шедевр сценического столярного искусства был возведён за

время перерыва, никто не стал выражать недовольства из-за задержки. Это было поистине великолепно. Высокая башня поднималась к потолку, на середине её высоты виднелось окно с горящей в нём лампой, и из-за белой занавески появилась Зара в прекрасном серебристо-голубом платье в ожидании Родриго. Он вышел в роскошном наряде, в шляпе с перьями, красном плаще, с каштановыми локонами на щеках, с гитарой и, конечно же, всё в тех же красно-коричневых сапогах. Опустившись на одно колено у подножия башни, он запел серенаду трогательным голосом. Зара ответила и после музыкального диалога согласилась совершить побег. Затем наступила кульминация пьесы. Родриго достал верёвочную лестницу с пятью ступенями, забросил наверх один её конец и предложил Заре спуститься. Она робко выбралась из-за решётки, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, как вдруг – о, несчастье! Бедная Зара! – она забыла о своём шлейфе, который зацепился за окно: башня пошатнулась, накренилась вперёд, с грохотом упала и погребла несчастных влюблённых под развалинами.

Раздался всеобщий вопль, когда красновато-коричневые сапоги судорожно забились в воздухе, и золотистая головка появилась из-под обломков, восклицая: «Я же тебе говорила! Я же говорила!» С удивительным присутствием духа дон Педро, суровый отец Зары, ворвался в комнату и поспешно оттащил дочь в сторону, шепнув ей: «Не смейся! Веди себя так, будто всё в порядке!» И, приказав Родриго поднять-

ся, с гневом и презрением изгнал его из королевства. Хотя Родриго был сильно потрясён падением с башни, он бросил вызов старому джентльмену и отказался тронуться с места. Этот бесстрашный пример воодушевил Зару. Она также отказалась подчиниться своему отцу, и он приказал заточить их обоих в самой глубокой темнице замка. Вошёл толстый маленький слуга с цепями и повёл их прочь, выглядя очень напуганным и, очевидно, забыв о том, что должен был сказать.

В третьем акте в зале замка появилась Хейгар, чтобы освободить влюблённых и прикончить Гуго. Услышав его шаги, она прячется, наблюдая, как он подливает зелья в две чаши с вином и приказывает робкому маленькому слуге: «Отнеси их пленникам в темницу и скажи им, что я скоро приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы сообщить ему кое-что, и Хейгар меняет чаши на две другие, безвредные. Прислужник Фердинандо уносит их, а Хейгар ставит на место чашу с ядом, предназначенным для Родриго. Гуго, испытывая жажду после долгой трели, пьёт из чаши, теряет рассудок и после долгих судорог и топанья ногами падает на пол и умирает, в то время как Хейгар в мелодичной и проникновенной арии сообщает ему о том, что она сделала.

Это была поистине захватывающая сцена, хотя некоторые могли бы счесть, что эффект смерти злодея несколько испортила копна рыжеватых волос, внезапно выбившихся из-под шляпы. Гуго вызвали на поклон, и он с большим досто-

инством вышел, ведя за собой Хейгар, чьё пение считалось чудеснее, чем всё остальное в представлении, вместе взятое.

В четвёртом действии предстал отчаявшийся Родриго, готовый заколоть себя ножом, так как ему сказали, что Зара его оставила. Как раз в тот момент, когда кинжал готов был вонзиться в сердце Родриго, под его окном кто-то поёт прекрасную песню, в которой ему сообщается, что Зара ему верна, но она в опасности, и он может спасти её, если пожелает. Ему бросают ключ, чтобы отпереть дверь, и в восторге он срывает с себя цепи, бросаясь прочь из темницы, чтобы найти и спасти свою возлюбленную.

Пятый акт начался бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он настаивает на том, чтобы она ушла в монастырь, но она и слышать об этом не хочет и после трогательной мольбы готова упасть в обморок, как вдруг в комнату врывается Родриго и настойчиво просит её руки. Но он не богат, и дон Педро отказывает ему. Они громко кричат и жестикулируют, но не могут договориться, и Родриго уже собирается увести измученную Зару с собой, как вдруг входит робкий слуга с письмом и мешком от таинственно исчезнувшей Хейгар. Последняя сообщает присутствующим, что она завещает несметные богатства молодой паре и обещает страшную гибель дону Педро, если он помешает их счастью. И тут мешок открывается, и поток оловянных монет с ослепительным блеском высыпается на пол. Это решительно смягчает суровое сердце отца. Он безропотно даёт согласие, все сли-

ваются в радостном хоре, и занавес опускается в тот момент, когда исполненные самой романтической грации влюблённые стоят, преклонив колени, чтобы получить благословение дона Педро.

Последовали бурные овации, которые были неожиданно резко прерваны, так как раскладная кровать, на которой был устроен бельэтаж, внезапно сложилась, что притушило пыл аудитории. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все девочки были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие из них просто давились от смеха. Едва улеглось возбуждение, как появилась Ханна с «наилучшими поздравлениями от миссис Марч и приглашением всем спуститься к ужину».

Это было неожиданностью даже для актёров, и когда они увидели стол, то посмотрели друг на друга в восторженном изумлении. Это было очень похоже на маму – она всегда готовила для них кое-какие лакомства, но со времен ушедших дней изобилия ещё не бывало ничего столь прекрасного, как угощение в этот вечер. Там было мороженое, а именно два вида – розовое и белое, и торт, и фрукты, и бесподобные французские конфеты, а в середине стола стояло четыре больших букета тепличных цветов.

У девочек перехватило дыхание, и они уставились сначала на стол, а потом на мать, которая выглядела так, словно ей всё очень нравилось.

– Это феи принесли? – спросила Эми.

– Санта-Клаус, – сказала Бет.

– Это мама сделала. – И Мэг улыбнулась самой милой улыбкой, несмотря на свою седую бороду и белые брови.

– В порыве доброты тётушка Марч прислала этот ужин, – поделилась Джо своим внезапным озарением.

– Вы все ошиблись. Всё это прислал старый мистер Лоуренс, – ответила миссис Марч.

– Дедушка Лоуренса-младшего! О Боже, как ему это пришло в голову? Мы же его совсем не знаем, – воскликнула Мэг.

– Ханна рассказала одному из его слуг о нашем сегодняшнем завтраке. Он странный пожилой джентльмен, но ему понравился наш поступок. Он был знаком с моим отцом много лет назад и сегодня днём прислал мне вежливую записку, в которой выражал надежду, что я позволю ему выказать свои дружеские чувства к моим детям, послав им немного сладостей в честь этого праздника. Я не смогла отказать ему, и поэтому этим вечером у вас будет небольшой пир, чтобы компенсировать завтрак хлебом с молоком.

– Это внук его надоумил, я знаю! Он замечательный парень, и мне хотелось бы познакомиться с ним поближе. Он выглядит так, будто он тоже не прочь познакомиться с нами, но стесняется, а Мэг такая чопорная и не позволяет мне самой заговорить с ним, когда мы проходим мимо, – сказала Джо, когда тарелки с угощениями пошли по кругу и мороженое начало таять на глазах под восхищенные охи и ахи.

– Вы имеете в виду ваших соседей, которые живут в большом доме? – спросила одна из девочек. – Моя мать знает старого мистера Лоуренса, но говорит, что он очень высокомерный и не любит общаться с соседями. Он держит своего внука взаперти и заставляет его усердно учиться, когда тот не ездит верхом или не прогуливается со своим гувернёром. Мы пригласили мальчика на нашу вечеринку, но он не пришёл. Мама говорит, что он очень милый, хотя никогда не заговаривает с нами, девочками.

– Как-то раз наша кошка убежала, и он вернул её нам, и мы отлично поболтали через забор о крикете и тому подобном, но когда он увидел, что Мэг идёт, он ушёл. Когда-нибудь я познакомлюсь с ним поближе, потому что ему нужно как-то развлекаться, я уверена в этом, – решительно сказала Джо.

– Мне нравятся его манеры, и он выглядит, как юный джентльмен, так что я не возражаю против того, чтобы вы с ним подружились, если представится подходящая возможность. Он сам принёс эти цветы, и я бы пригласила его войти в дом, если бы знала, что у вас происходит там наверху. Он выглядел таким задумчивым, когда уходил, услышав, как вы веселитесь, и, очевидно, дома у него ничего подобного не происходит.

– Какое счастье, что ты его не пригласила, мама, – засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. – Но когда-нибудь у нас будет ещё одна пьеса, которую он сможет посмотреть. Возможно, он даже сыграет в ней какую-нибудь роль. Было бы

здорово, правда?

– Я в жизни не видела такого прекрасного букета! Какой он красивый! – Мэг с большим интересом рассматривала цветы.

– Они прелестны. Но розы Бет мне милее, – сказала миссис Марч, вдыхая запах полуувядшего букетика на своём поясе.

Бет прижалась к ней и тихо прошептала:

– Как бы я хотела послать свой букет папе. Боюсь, у него не такое весёлое Рождество, как у нас.

Глава 3

Лоуренс-младший

– Джо! Джо! Ты где? – крикнула Мэг у подножия чердачной лестницы.

– Здесь! – ответил хриплый голос сверху, и, подбежав, Мэг увидела, что сестра ест яблоки и плачет над «Наследником Рэдклиффа»¹⁰, завернувшись в одеяло на старом трёхном диване у солнечного окна. Это было любимое убежище Джо, и здесь она обыкновенно уединялась с полудюжиной коричневых яблок и хорошей книгой, наслаждаясь тишиной и обществом ручной крысы, которая жила рядом и не обращала на неё ни малейшего внимания. Как только появилась Мэг, Скрэббл юркнула в свою нору. Джо стряхнула слёзы со щёк в ожидании новостей.

– Так здорово! Ты только посмотри! Настоящее письменное приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! – воскликнула Мэг, размахивая драгоценным листком и продолжая читать его с девичьим восторгом.

– Миссис Гардинер была бы счастлива увидеть мисс Марч и мисс Джозефину на небольшом балу в канун Нового года. Мама хочет, чтобы мы туда пошли, и что нам теперь надеть?

– Что толку спрашивать об этом, ты же знаешь, мы наде-

¹⁰ Роман Шарлотты Янг (1823–1901).

нем наши поплиновые платья, потому что у нас нет других, – ответила Джо с набитым ртом.

– Вот бы у меня было шёлковое! – вздохнула Мэг. – Мама говорит, что у меня такое будет, когда мне исполнится восемнадцать, но ещё два года ожидания – это целая вечность.

– Я уверена, что наши поплиновые платья выглядят почти как шёлковые, и они нам вполне идут. Твоё платье как новенькое, но я забыла про прожжённую дыру на своём. Что же мне делать? Пятно сильно заметно сзади, и я ничем не могу его вывести.

– Тебе придётся сидеть неподвижно и не показывать свою испачканную спину – это всё, что ты можешь сделать. Спереди у тебя всё в порядке. У меня будет новая лента для волос, и мама одолжит мне свою маленькую жемчужную булавку, мои новые туфли очень красивые, и мои перчатки тоже сюда подойдут, хотя они не так хороши, как хотелось бы.

– Я пролила на свои перчатки лимонад, а новые я достать не могу, так что придется обойтись без них, – сказала Джо, которая никогда особо не задумывалась о нарядах.

– Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду! – решительно воскликнула Мэг. – Перчатки важнее всего остального. Ты не сможешь танцевать без них, а если ты не наденешь перчатки, ты меня очень обидишь.

– Тогда я не буду танцевать. Я не очень люблю групповые танцы. Ходить по залу, как под парусом, совсем не весело. Я больше люблю порхать и выкидывать коленца.

– Не проси у мамы новые перчатки, они ведь такие дорогие, а ты так неаккуратна. Когда ты испортила ту пару, она сказала, что не купит тебе новые этой зимой. Неужели нельзя обойтись этими?

– Я могу держать их скомканными в руке, так что никто не узнает, насколько они испачканы. Это всё, что я могу сделать. Нет! Я скажу тебе, как мы поступим, каждая наденет одну хорошую перчатку и будет держать в руке по одной плохой. Понимаешь?

– У тебя руки больше, и ты ужасно растянешь мою перчатку, – начала Мэг, чьи перчатки были для неё большим вопросом.

– Тогда я обойдусь без перчаток. Мне всё равно, что скажут люди, – воскликнула Джо, берясь за книгу.

– Ладно-ладно, забирай мою! Только не испачкай её и веди себя прилично. Не убирай руки за спину, не глазей по сторонам и не восклицаай постоянно: «Христофор Колумб!»

– Не беспокойся обо мне. Я буду держать себя в руках и не попаду ни в какие передраги, если получится. А теперь иди и ответь на свою записку и дай мне дочитать этот великолепный роман.

Итак, Мэг ушла, чтобы «с благодарностью принять приглашение», осмотреть своё платье и, беспечно напевая, пришить к нему свою единственную настоящую кружевную оборку, в то время как Джо дочитала свой роман, доела оставшиеся четыре яблока и поиграла со Скрэббл.

В канун Нового года гостиная опустела, потому что две младшие девочки изображали камеристок, а две старшие были поглощены чрезвычайно важным делом – «подготовкой к вечеринке». Несмотря на простоту туалетов, было много беготни вверх и вниз, смеха и разговоров, как вдруг весь дом наполнился сильным запахом палёных волос. Мэг решила завить несколько локонов у лица, и Джо принялась прижимать намотанные на бумажки кудри горячими щипцами.

– Разве они должны так дымить? – спросила Бет, сидя на кровати.

– Это влага испаряется, – ответила Джо.

– Какой странный запах! Похоже на горелые перья, – заметила Эми, с видом превосходства приглаживая свои красивые кудри.

– Ну вот, сейчас я сниму бумажки, и ты увидишь облако маленьких кудряшек, – сказала Джо, откладывая щипцы в сторону.

Она сняла бумажки, но облачка кудряшек не появилось, потому что вместе с бумажками она сняла и волосы, и незадачливая парикмахерша положила ряд маленьких обгоревших узелков на комод перед своей жертвой.

– Ой, ой, ой! Что ты наделала? Ты испортила мою причёску! Я не могу так пойти! Мои волосы, о, мои волосы, – причитала Мэг, с отчаянием глядя на неровные завитки на лбу.

– Просто я невезучая! Лучше бы ты не просила меня об этом, я такая нескладная. Мне очень жаль, но щипцы бы-

ли слишком горячими, и я всё испортила, – простонала бедная Джо, со слезами сожаления глядя на маленькие чёрные блинчики.

– Ничего не испорчено. Просто завей их и завяжи ленту так, чтобы концы локонов немного падали на лоб, и это будет выглядеть как по последней моде. Я видела, многие девушки так делают, – сказала Эми, успокаивая её.

– Поделом мне за то, что я стараюсь выглядеть красиво. Лучше бы я не трогала свои волосы, – раздражённо воскликнула Мэг.

– Я тоже так считаю, они были такими гладкими и красивыми. Но скоро они снова отрастут, – сказала Бет, подходя, чтобы поцеловать и утешить стриженую овцу.

Преодолев другие, более мелкие неудачи, Мэг наконец закончила приготовления, и объединёнными усилиями всей семьи Джо была одета, а её волосы – уложены. Они очень хорошо смотрелись в своих простых нарядах: Мэг – в серебристо-сером платье, с синей бархатной лентой, кружевными оборками и жемчужной булавкой, а Джо – в бордовом платье с жёстким мужским льняным воротничком и парой белых хризантем в качестве единственного украшения. На одной руке каждой из них была надета красивая лёгкая перчатка, а в другой руке они сжимали по одной испачканной, и все сошлись на том, что они выглядят «довольно непринужденно и привлекательно». Туфли Мэг на высоких каблуках были очень тесными и причиняли ей боль, хотя она и не призна-

валась в этом, а девятнадцать шпилек Джо, казалось, вонзались ей прямо в голову, что было не совсем удобно, но, Господи, будем же элегантны или умрём!

– Желаю вам хорошо провести время, дорогие! – сказала миссис Марч, когда сёстры грациозно зашагали по дорожке. – Не ешьте много на ужин и приходите в одиннадцать, я пришлю за вами Ханну.

Когда за ними захлопнулась калитка, из окна раздался голос:

– Девочки, девочки! Вы захватили чистые носовые платки?

– Да, да, совершенно новые, а Мэг надушила свой платок одеколоном, – воскликнула Джо и со смехом добавила: – Я думаю, что матушка спросила бы об этом, даже если бы мы спасались от землетрясения.

– Это одна из её аристократических привычек, что очень правильно, потому что настоящую леди всегда узнают по безупречной обуви, перчаткам и носовому платку, – ответила Мэг, у которой было немало своих «аристократических привычек».

– А ты, Джо, не забывай скрывать испорченную сторону подола своего платья. Мой пояс в порядке? А волосы у меня очень плохо выглядят? – спросила Мэг, отвернувшись от зеркала в гардеробной миссис Гардинер после продолжительного прихорашивания.

– Я точно забуду. Если увидишь, что я делаю что-то не

так, просто напомни мне, подмигнув, ладно? – ответила Джо, поддёрнув свой воротничок и торопливо поправляя причёску.

– Нет, леди не подобает подмигивать. Я подниму брови, если что-то не так, и кивну, если с тобой будет всё в порядке. Теперь расправь плечи, делай шаги поменьше и не пожимай людям руку, если тебя с кем-то знакомят. Так делать неприлично.

– Как тебе удаётся всегда помнить обо всех этих приличиях? Я всё время об этом забываю. Какая весёлая музыка, правда?

Они спустились вниз, чувствуя некоторую робость, так как редко бывали на вечеринках, и, каким бы неофициальным ни был этот выход в свет, все же он был для них очень важен. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, приветливо поздоровалась с ними и передала их на попечение старшей из своих шести дочерей. Мэг знала Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, а Джо, которая не очень жаловала девушек и девичьи сплетни, стояла, осмотрительно прислонившись спиной к стене, и чувствовала себя не в своей тарелке, как жеребёнок в цветнике. Полдюжины весёлых парней болтали о коньках в другой части комнаты, и ей очень хотелось присоединиться к ним, потому что катание на коньках было одной из основных радостей её жизни. Она взглядом сообщила о своём намерении Мэг, но брови её так тревожно поползли вверх, что Джо не осме-

лилась сдвинуться с места. Никто не подходил поговорить с ней, и одна за другой группы удалялись, пока она не осталась совсем одна. Она не могла ходить по залу и развлекаться, потому что кто-то мог увидеть её прожжённый подол, из-за чего она довольно тоскливо смотрела на людей вокруг, пока не начались танцы. Мэг один раз пригласили на танец, и её тесные туфли запорхали так быстро, что никто не догадался, какую боль они причиняют своей улыбающейся обладательнице. Джо увидела, что к её углу приближается высокий рыжеволосый юноша, и, испугавшись, что он собирается пригласить её на танец, проскользнула в занавешенную нишу, намереваясь подглядывать оттуда и отдохнуть в тишине. К несчастью, ещё одна застенчивая особа выбрала то же самое убежище, потому что, когда штора опустилась за её спиной, Джо оказалась лицом к лицу с Лоуренсом-младшим.

– Бог мой, я не знала, что здесь ещё кто-то есть! – пробормотала Джо, готовясь так же быстро выйти из-за шторы, как она туда ворвалась. Но юноша засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел немного испуганным:

– Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь здесь, сколько хотите.

– Я вас не побеспокою?

– Ни капельки. Я зашёл сюда только потому, что мало кого знаю, и поначалу чувствовал себя довольно странно, знаете ли.

– Не уходите, пожалуйста, если хотите, останьтесь.

Юноша снова сел и стал смотреть на свои бальные туфли, пока Джо не сказала, стараясь быть вежливой и непринужденной:

– Я думаю, что имела удовольствие встречать вас раньше. Вы ведь наш сосед, не так ли?

– Да, я ваш сосед. – Он поднял глаза и рассмеялся, потому что чопорная речь Джо показалась ему довольно забавной – он вспомнил, как они болтали о крикете, когда он принёс ей пропавшую кошку.

Это успокоило Джо, и она тоже рассмеялась, сказав самым сердечным тоном:

– Мы так хорошо провели время, получив ваш чудесный подарок к Рождеству.

– Это вам дедушка прислал.

– Но ведь это вы предложили ему, правда?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил молодой человек, стараясь выглядеть сдержанным, в то время как его чёрные глаза весело блестели.

– Прекрасно, благодарю вас, мистер Лоуренс. Но я не мисс Марч, я просто Джо, – ответила юная леди.

– И я не мистер Лоуренс, зовите меня Лори.

– Лори Лоуренс, какое странное имя.

– Меня зовут Теодор, хотя мне не нравится это имя, потому что мои друзья звали меня Дорой, но я заставил их называть меня «Лори».

– Я тоже ненавижу своё имя, оно такое сентименталь-

ное! Мне бы хотелось, чтобы все называли меня «Джо», а не «Джозефина». А как вы заставили мальчиков перестать называть себя Дорой?

– Я их поколотил.

– Я не могу побить тётушку Марч, так что, видимо, мне придётся терпеть это дальше. – И Джо вздохнула со смирением.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори с таким видом, словно это имя ей очень подходило.

– Мне очень нравится танцевать, когда просторно и шумно. Но в таком месте, как это, я обязательно что-нибудь испорчу, отдавлю всем пятки или сделаю что-нибудь ужасное, поэтому я стараюсь избегать неприятностей и позволяю Мэг фланировать по залу без меня. А вы не танцуете?

– Иногда. Видите ли, я много лет жил за границей и ещё не успел влиться в ваше общество, чтобы узнать, какая у вас тут мода.

– За границей! – воскликнула Джо. – О, расскажите мне об этом! Я очень люблю послушать, как люди описывают свои путешествия.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но нетерпеливые расспросы Джо вскоре его раззадорили, и он рассказал ей, как учился в школе в Веве¹¹, где мальчики никогда не носили шляп, и у них была целая флотилия лодок на озере, и для развлечения на каникулах они ходили в походы по Швейцарии.

¹¹ Швейцарский город в кантоне Во.

рии со своими учителями.

– Как бы я хотела там побывать! – воскликнула Джо. – Вы были в Париже?

– Мы провели там прошлую зиму.

– Вы говорите по-французски?

– В Вебе нам можно было говорить только по-французски.

– Скажите что-нибудь! Я могу читать на французском, но не могу говорить.

– Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?¹²

– Как хорошо у вас получается! Дайте-ка подумать... вы спросили: «Кто эта юная леди в красивых туфельках?»

– Oui, mademoiselle.

– Это моя сестра Маргарет, и вы знали, что это она! Вы считаете, она хорошенькая?

– Да, она напоминает мне немецких девушек, она выглядит такой цветущей и спокойной и танцует, как настоящая леди.

Джо вся просияла от удовольствия, услышав эту мальчишечью похвалу в адрес сестры, и запомнила этот комплимент, чтобы потом передать Мэг. Оба подглядывали из-за штор, обсуждали гостей и болтали, пока не почувствовали себя старыми знакомыми. Застенчивость Лори скоро прошла, потому что мальчишеское поведение Джо забавляло и успокаивало его, и Джо снова развеселилась, потому что её

¹² Как зовут молодую девушку в красивых туфлях? (*фр.*)

платье было забыто, и никто не поднимал на неё брови. Лоуренс-младший понравился ей больше, чем когда-либо, и она несколько раз внимательно посмотрела на него, чтобы потом описать его девочкам, потому что у них не было братьев, очень мало кузенов, а мальчики были для них практически незнакомыми существами.

«Вьющиеся тёмные волосы, смуглая кожа, большие чёрные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, маленькие руки и ноги, выше меня, очень вежливый для юноши и довольно весёлый. Интересно, сколько ему лет?»

Этот вопрос вертелся у Джо на кончике языка, но она вовремя сдержалась и с необычным тактом попыталась выяснить это окольным путём.

– Полагаю, вы скоро поступите в колледж? Я вижу, как вы чахнете над книгами, нет, я имею в виду усердно занимаетесь. – И Джо покраснела от ужасного слова «чахнете», которое случайно у неё вырвалось.

Лори улыбнулся, но не выглядел шокированным и ответил, пожав плечами:

– Через год или два, не раньше. Так или иначе, я не буду поступать, пока мне не исполнится семнадцать лет.

– Вам что, только пятнадцать? – спросила Джо, глядя на высокого юношу, думая, что ему уже семнадцать.

– В следующем месяце будет шестнадцать.

– Как бы я хотела поступить в колледж! А по вам не скажешь, будто вы горите желанием.

– Ненавижу колледж! Там нет ничего, кроме зубрёжки или глупых забав. И мне не нравится, как живут люди в этой стране.

– А что вам нравится?

– Жить в Италии так, как мне хочется.

Джо не терпелось спросить, как именно он хочет проводить время, но его чёрные брови выглядели так угрожающе, когда он их нахмурил, поэтому она сменила тему, сказав, отбивая ногой такт:

– Какая превосходная полька! Почему бы вам не пойти и не попробовать потанцевать?

– Если вы присоединитесь ко мне, – ответил он с галантным поклоном.

– Я не могу, я обещала Мэг, что не буду, потому что... – Тут Джо замолчала и, казалось, не знала, продолжать ей разговор или засмеяться.

– Потому что – что?

– Вы никому не скажете?

– Никогда!

– Ну, у меня плохая привычка стоять близко к камину, и поэтому я подпаливаю свои платья, а это я прожгла насквозь, и хотя оно хорошо заштопано, но всё-таки очень заметно, и Мэг велела мне сидеть на месте, чтобы никто ничего не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся. Он опустил взгляд на мгновение, и выражение его лица озадачило Джо, когда он очень мягко

сказал:

– Я скажу вам, как мы поступим. Там есть длинный зал, где мы сможем замечательно потанцевать, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдёте туда.

Джо поблагодарила Лори и с радостью пошла с ним, жалая, что у неё нет двух чистых перчаток, когда она увидела красивые, жемчужного цвета перчатки на руках её партнёра. Зал был пуст, и они станцевали большую польку, так как Лори хорошо танцевал и научил её немецким па, которые привели Джо в восторг, потому что состояли из частых взмахов руками и прыжков. Когда музыка смолкла, они присели на ступеньки, чтобы отдышаться, и Лори как раз рассказывал о студенческом празднике в Гейдельберге¹³, когда Мэг появилась в зале, разыскивая сестру. Она поманила её, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где побледневшая Мэг опустилась на диван, держась за свою ногу.

– Я растянула лодыжку. Этот дурацкий высокий каблук подвернулся, из-за чего я глупейшим образом вывихнула ногу. Болит так, что я еле могу стоять, и я не знаю, как вообще доберусь до дома, – сказала она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

– Я так и знала, что ты повредишь себе ноги своими дурацкими туфлями. Извини. Но я не вижу для тебя другого выхода, кроме как нанять экипаж или остаться здесь на

¹³ Гейдельберг – город в Германии, где расположен знаменитый университет, где в XIX в. среди студентов было немало американцев.

ночь, — ответила Джо, нежно поглаживая пострадавшую лодыжку Мэг, пока говорила.

— Я не смогу нанять экипаж, это будет стоить очень дорого. Боюсь, что свободных вообще не найдется, потому что большинство гостей приезжают на своих, а до конюшни идти далеко, и послать некого.

— Я схожу.

— Нет, что ты! Уже девятый час, и на улице тьма египетская. Я не могу остаться здесь, потому что дом полон гостей. У Салли остаются какие-то девушки. Я отдохну, пока не придёт Ханна, а потом постараюсь дойти до дома.

— Я попрошу Лори. Он сходит в конюшню, — сказала Джо, вздохнув с облегчением, когда эта мысль пришла ей в голову.

— Мерси, нет! Не проси никого и никому не говори. Принеси мне мои калоши и положи эти туфли к нашим вещам. Я больше не смогу танцевать, но как только ужин закончится, поищи Ханну и скажи мне, когда она придёт.

— Гости сейчас будут ужинать. Я останусь здесь. Я бы хотела побыть с тобой.

— Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, что даже не могу пошевелиться.

Итак, Мэг откинулась на спинку дивана, тщательно спрятав калоши, а Джо, спотыкаясь, направилась в столовую, которую обнаружила только после того, как сначала заглянула в шкаф с фарфором, а потом открыла дверь комнаты, где старый мистер Гардинер подкреплялся в уединении. Бросив-

шлись к столу, она схватила чашку кофе, который тут же пролила на себя, испортив перед платья так же, как и спину.

– О боже, какая же я дура! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мэг.

– Чем я могу помочь? – спросил дружелюбный голос. Это был Лори, который в одной руке держал чашку с кофе, а в другой – тарелку с мороженым.

– Я пыталась отнести что-нибудь Мэг, она очень устала, но кто-то меня толкнул, и вот я здесь в таком милом виде, – ответила Джо, мрачно переводя взгляд с испачканной юбки на перчатку кофейного цвета.

– Мне очень жаль! Я искал кого-нибудь, кого можно было бы этим угостить. Могу я отнести это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она. Я не предлагаю отнести самой, потому что боюсь попасть в ещё одну передрыгу.

Джо шла впереди, и, словно он давно привык ухаживать за дамами, Лори придвинул маленький столик, принес вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже требовательная Мэг назвала его «милым юношей». Когда пришла Ханна, они весело проводили время за конфетами и остротами¹⁴ и в самом разгаре была тихая игра в «Бззз!»¹⁵ с двумя или тремя другими молодыми людьми,

¹⁴ Известные в XIX в. конфеты, заворачиваемые в фантик, на внутренней стороне которого был написан стишок, пословица или девиз.

¹⁵ Популярная в XIX в. детская игра, участники которой по кругу быстро называли числа. Вместо числа, кратного семи или пишущегося с цифрой семь (например, 7, 14, 27), говорилось «Бззз». Совершивший ошибку выбывал из игры.

которые случайно забрели в комнату. Мэг забыла про свою ногу и вскочила так резко, что была вынуждена опереться о Джо, вскрикнув от боли.

– Тише! Ничего не говори, – прошептала она, а вслух добавила: – Ничего. Я немного подвернула ногу, вот и всё, – и захромала наверх, чтобы надеть верхнюю одежду.

Ханна ворчала, Мэг плакала, а Джо была в полном отчаянии, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из комнаты, она побежала вниз и, найдя слугу, спросила, не может ли он найти для них экипаж. Это был наёмный официант, который ничего не знал об окрестностях, и Джо оглядывалась в поисках помощи, когда подошёл Лори, услышавший её слова, и предложил дедушкин экипаж, который, по его словам, только что приехал за ним.

– Но ведь ещё так рано! Вы ведь не собирались уходить? – с облегчением начала Джо, но всё ещё не решаясь принять предложение.

– Я всегда ухожу рано, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Мне ведь с вами по пути, и, говорят, идёт дождь.

Это решило дело, и, рассказав ему о несчастье Мэг, Джо с благодарностью согласилась и бросилась наверх, чтобы привести остальных. Ханна любила дождь не больше, чем кошка, поэтому уговорить её не составило труда, и они укатили в роскошном закрытом экипаже, чувствуя себя так, словно принадлежали к высшему обществу. Лори сел на козлы, что-

бы Мэг могла вытянуть и держать ногу на весу, и девочки без стеснения обсуждали прошедшую вечеринку.

– Я отлично провела время. А ты? – спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу. Подруга Салли, Энни Моффат, отнеслась ко мне с симпатией и попросила приехать к ней на недельку вместе с Салли. Она будет здесь весной, когда опера придет на гастроли, и это будет просто великолепно, если только мама отпустит меня, – ответила Мэг, приободрившись от этой мысли.

– Я видела, как ты танцевала с рыжеволосым юношей, от которого я убежала. Он был милым?

– О, очень! Волосы у него золотисто-каштановые, а не рыжие, и он был очень вежлив, и мы с ним станцевали очаровательный редовак¹⁶.

– Он прыгал, как кузнечик, когда исполнял очередное па. Мы с Лори не могли удержаться от смеха. Нас не было слышно?

– Нет, но вы вели себя очень невоспитанно. Чем это вы занимались всё время, прячась там?

Джо рассказала о своих приключениях, и к тому времени, как она закончила, они уже были дома. Рассыпаясь в благодарностях, они пожелали спокойной ночи Лори и прокрались в дом, надеясь никого не разбудить, но в тот момент, когда скрипнула дверь, над подушками подскочили два ма-

¹⁶ Рейдовак – чешский танец.

леньких ночных чепчика, и послышались два сонных, но нетерпеливых голоса:

– Как прошла вечеринка? Расскажите о вечеринке!

Проявив то, что Мэг называла «полным отсутствием манер», Джо принесла несколько конфет для младших сестёр, и они вскоре успокоились, выслушав рассказ о самых волнующих событиях вечера.

– Клянусь, я действительно выгляжу, как прекрасная молодая леди, которая возвращается домой с вечеринки в карете, а потом сидит в своём пеньюаре с горничной, которая ей прислуживает, – сказала Мэг, когда Джо перевязала ей ногу, смазав лодыжку арникой, и расчесала волосы.

– Не думаю, что прекрасные юные леди проводят время лучше, чем мы, хотя у нас подгорели волосы, старые платья, по одной перчатке на каждую и тесные туфли, из-за которых мы получаем растяжение лодыжек, по собственной глупости надевая их на бал. – И я считаю, что Джо была совершенно права.

Глава 4

Тяжёлые ноши

– Боже мой, как же тяжело снова пускаться в путь со своей котомкой, – вздохнула Мэг наутро после вечеринки, когда праздники закончились, а неделя веселья вовсе не располагала к тому, чтобы вновь браться за нелюбимую работу.

– Хорошо бы Рождество и Новый год никогда не кончались. Вот было бы здорово! – ответила Джо, удрученно зевая.

– Тогда бы мы и наполовину так им не радовались. Но ведь это так прекрасно – ужины, букеты, вечеринки и поездки домой, когда можно читать книги, отдыхать и ничего не делать. Так живут другие люди, и я всегда завидовала девочкам, которые ведут такой образ жизни, ведь я так люблю роскошь, – сказала Мэг, выбирая из двух платьев то, которое выглядело поновее.

– Ну, это не для нас, не будем ворчать и продолжим нести нашу ношу с радостью, как наша матушка. Я уверена, тётушка Марч – как Старик-водяной¹⁷, и когда я научусь нести её на своих плечах и не жаловаться, она сама оставит меня или станет такой лёгкой, что я перестану обращать на неё вни-

¹⁷ См. пятое путешествие Синдбада-морехода: злой старик, обманом севший ему на шею и поработивший его, заставляя таскать на себе. В совр. значении – прилипала.

мания.

Эта мысль позабавила Джо и подняла ей настроение, но лицо Мэг не посветлело, ведь её ноша, состоявшая из четырёх капризных детей, показалась ей тяжёлой, как никогда. Она даже не попыталась принарядиться, как делала всегда, повязывая на шею голубую бархотку и сделав красивую причёску.

– Какой смысл прихорашиваться, ведь меня никто не видит, кроме этих злобных недомерков, и никому нет дела, красивая я или нет, – прошептала она, шумно задвинув ящик секретера. – Я всю жизнь буду тянуть лямку и лишь изредка получать удовольствие, я состарюсь, стану уродливой и угрюмой, потому что я бедная и не могу радоваться жизни, как другие девочки. Как жаль!

Мэг спустилась вниз с понурым видом и весь завтрак была не в духе. Казалось, все остальные тоже были не в духе и завтракали с кислыми минами.

У Бет болела голова, и она легла на диван, пытаясь удобно устроиться вместе с кошкой и тремя котятками. Эми нервничала, потому что не выучила уроки и никак не могла найти свои калоши. Джо насвистывала и, собираясь, переворачивала всё вверх дном. Миссис Марч изо всех сил старалась закончить письмо, которое нужно было сегодня же отправить, а Ханна брюзжала, потому что ей не нравилось так поздно вставать.

– Свет не видывал такой сварливой семьи, – воскликну-

ла Джо, выйдя из себя, опрокинув чернильницу, порвав оба шнурка на ботинках и сев на свою шляпку.

– Да, а ты в ней злее всех прочих! – возразила Эми, роняя слёзы на грифельную доску и смывая ими неправильное решение задачи.

– Бет, если ты не отнесешь этих ужасных котят в подвал, я их утоплю, – воскликнула Мэг, пытаясь избавиться от котёнка, который забрался к ней на спину и вцепился в платье, как репейник.

Джо засмеялась, Мэг выругалась, Бет запричитала, а Эми зарыдала, потому что не могла вспомнить, сколько будет девятью двенадцать.

– Девочки, девочки, помолчите хоть минуту! Я должна отправить это письмо утренней почтой, а вы меня отвлекаете своими пустяками, – воскликнула миссис Марч, зачёркивая третье неудачное предложение в письме.

Тут же наступила тишина, которую нарушила Ханна, прошепстав в комнату, положив на стол два горячих пирожка и удалившись с гордым видом. Это были особенные пирожки, которые девочки называли «муфтами» за неимением настоящих, и они приятно согревали руки холодным утром. Ханна никогда не забывала их приготовить, как бы она ни была занята и сердита, ведь путь им предстоял неблизкий, и идти приходилось в холодную и ветреную погоду. Второго завтрака у бедняжек не было, а домой они редко возвращались раньше двух часов дня.

– Прижми к себе покрепче своих кошек, Бетти, и они вылечат твою головную боль. До свидания, мамочка. Сегодня утром мы были бандой негодниц, но когда мы вернёмся домой, то будем настоящими ангелочками. Пошли, Мэг!

И Джо неохотно зашагала прочь из дома, чувствуя, что пилигримам не подобает отправляться в путь так, как это сделали они. Как обычно, они оглянулись, прежде чем свернуть за угол, потому что мама всегда кивала им, улыбалась из окна и махала рукой. Казалось, без этого они не смогут пережить предстоящий день, потому что, независимо от их настроения, мелькнувшее на прощанье лицо матери освещало их путь, как солнечный луч.

– Если бы матушка вместо воздушного поцелуя погрозила нам кулаком, то поделом нам, потому что таких неблагоприятных созданий свет ещё не видывал, – воскликнула Джо, которая получала полное раскаяния удовлетворение от прогулки по снегу под пронизывающим ветром.

– Не говори так, это ужасно, – возразила Мэг из глубины своей шали, завернувшись в неё словно монашка, которой опостылел мир.

– А я люблю говорить прямо и именно то, что имею в виду, – ответила Джо, поймав шляпку, которая едва не слетела с её головы.

– Называй себя любыми словами, какие тебе нравятся, но я не негодница и не злодейка, я не хочу, чтобы меня так называли.

– Ты избалованное создание, и сегодня ты злишься, потому что тебе не дано жить в роскоши. Бедняжка, ну подожди, вот разбогатею, и ты будешь с наслаждением ездить в экипажах, есть мороженое, носить туфли на высоких каблуках и танцевать с рыжеволосыми мальчиками.

– Какая ты глупенькая, Джо!

Но эта чепуха рассмешила Мэг, что, вопреки её желанию, улучшило ей настроение.

– Тебе повезло, что я такая. Хороши бы мы были, если бы я грустила и горевала, как ты. Слава богу, я всегда могу найти что-нибудь забавное, чтобы подбодрить себя. Эй, хватит жаловаться и ворчать, возвращайся домой весёлой.

Джо одобряюще похлопала сестру по плечу, и девочки расстались, каждая сжимала свой пирожок и старалась быть весёлой, несмотря на зимнюю погоду, трудную работу и неудовлетворённые желания жадной до удовольствий юности. Когда мистер Марч разорился, пытаясь помочь попавшему в беду другу, две старшие дочери упростили его разрешить им заняться чем-то, чтобы хотя бы компенсировать расходы на своё содержание. Считая, что никогда не рано поощрять в детях активность, предприимчивость и независимость, родители дали своё согласие, и обе девочки стали работать с искренним рвением, и, несмотря на все препятствия, их усилия должны были увенчаться успехом. Маргарет нашла место гувернантки и чувствовала себя богатой даже со своим маленьким жалованьем. Как она говорила, она

«любила роскошь», и бедность была её главной бедой. Выносить такую жизнь ей было тяжелее, чем другим девочкам, потому что она ещё помнила то время, когда их дом был красивым, жизнь — лёгкой и полной радости, и они ни в чём не нуждались. Она старалась не завидовать другим и не раздражаться, но для девушки так естественно стремиться к счастливой жизни, успеху, красивым вещам, весёлым друзьям. В доме Кингов она каждый день видела то, чего она так хотела, и когда старшие сёстры её подопечных выезжали в свет, Мэг частенько мельком замечала их изящные бальные платья и букеты, слушала оживлённые разговоры о театрах, концертах, катании на санях и всевозможных развлечениях, она наблюдала, как деньги тратятся на пустяки, которые были для неё так дороги. Бедняжка Мэг редко жаловалась, но иногда чувство несправедливости ожесточало её против всех и каждого, так как она ещё не научилась понимать, что она богата дарами, которых вполне достаточно, чтобы сделать жизнь счастливой.

Джо была приставлена к тётушке Марч, которая хромала и нуждалась в подвижной помощнице. Бездетная пожилая дама предложила удочерить одну из девочек, когда для семьи Марч наступили тяжёлые времена, и глубоко оскорбилась, когда её предложение отклонили. Друзья сказали супругам Марч, что они потеряли шанс быть упомянутыми в завещании богатой леди, на что эта «непрактичная пара» лаконично ответила:

– Мы не отдадим наших девочек ни за какие деньги. Богатые или бедные, мы будем держаться вместе и обретём счастье друг в друге.

Старая леди некоторое время не разговаривала с ними, но однажды встретила Джо у своих друзей – ей понравились забавное лицо и прямолинейность девочки, и она предложила взять её к себе в компаньонки. Джо это совершенно не устраивало, но она согласилась, так как ничего лучшего ей не предлагали, и, ко всеобщему удивлению, она прекрасно поладила со своей сварливой родственницей. Иногда между ними случались бурные сцены, и, придя домой, Джо объявляла, что не в силах больше это терпеть, но тётушка Марч была отходчива и посылала за девочкой с такой настойчивой просьбой вернуться как можно скорее, что Джо не могла отказать, потому что в глубине души ей нравилась вспыхивающая старая леди.

Я подозреваю, что на самом деле её привлекала огромная библиотека прекрасных книг, после смерти дядюшки Марча отданных на откуп паукам да пыли. Джо помнила доброго старого джентльмена, который разрешал ей строить мосты и железные дороги из огромных словарей, рассказывал истории, показывая занимательные картинки в книгах на латинском языке, и покупал ей имбирные пряники всякий раз, когда встречал девочку на улице. Полутёмная пыльная комната с бюстами, взирающими с книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и, самое главное, море книг, в котором она мог-

ла плавать, куда пожелает, – всё это превращало библиотеку в уголок райского блаженства. Стоило тётушке Марч задремать или завести беседу с гостями, Джо тут же скрывалась в своём убежище, сворачивалась калачиком в удобном кресле и словно книжный червь поглощала стихи, художественные и исторические романы, книги о путешествиях и художественные альбомы. Но эти счастливые моменты, как и любые другие, не длились долго, и едва она добиралась до кульминации романа, до самой удачной строки стихотворения или самого опасного приключения путешественника, раздавался пронзительно громкий зов: «Джозе-фина! Джозе-фина!» – и ей приходилось покидать свой рай и идти мотать пряжу, купать пуделя или часами напролёт читать «Эссе» какого-то Белшема¹⁸.

Джо всегда стремилась сделать что-то прекрасное. Что именно, она пока не знала, но время должно было ей это подсказать, а пока её больше всего угнетало, что она не может читать, бегать и кататься верхом на лошади столько, сколько ей хотелось бы. Вспыльчивость, остроумие и беспокойный дух всегда ставили её в неловкое положение, и вся её жизнь была чередой взлётов и падений, одновременно комичных и трогательных. Но то обучение, которое она проходила у тётушки Марч, было ей необходимо, и она была рада заработать себе на жизнь, несмотря на постоянное: «Джозе-фина!»

¹⁸ Томас Белшем (1752–1827) – английский писатель, историк, поддерживавший американцев, противившихся английской короне.

Бет была слишком застенчивой, чтобы ходить в школу, хотя она и пыталась это делать. Она так страдала на уроках, что школу ей пришлось бросить и учиться дома под руководством отца. Даже когда он покинул дом, а матушку призывали посвятить все свои силы и навыки Обществу помощи солдатам, Бет изо всех сил продолжала заниматься самостоятельно. Она была маленькой домохозяйкой и помогала Ханне поддерживать порядок и уют в доме, пока другие работали, никогда не ожидая благодарности, а лишь желая получить взамен любовь. По своей натуре она была трудолюбивой пчёлкой, и поэтому долгие тихие дни она не проводила в праздном одиночестве, а хлопотала по дому, и её маленький мирок был населён воображаемыми друзьями. Но всё же Бет оставалась ребёнком: у неё было шесть кукол, которых она каждое утро будила и одевала и любила своих подопечных всей душой. Среди них не было ни одной целой или красивой, все они были брошены, пока не попали в руки Бет, когда сёстры переросли этих кумиров детства и передали их ей, потому что Эми не терпела рядом с собой ничего старого и уродливого. Бет же, наоборот, по этой причине обожала их всех и устроила для кукол-калек настоящий приют. В их тельца из ваты больше не втыкали булавки, их не бранили и не били, больше никто не относился с пренебрежением даже к самой некрасивой из них, все они были накормлены, одеты, обласканы и окружены любовью, которая никогда не ослабевала. Принадлежавшая ранее Джо одна из отщепенек

кукольного сообщества, проведя бурную жизнь, в конце концов была сослана в мешок с лоскутами, где пребывала в плачевном состоянии. Но Бет спасла несчастную из этой богадельни и поместила её в свой приют. У головы куклы отсутствовала макушка, и Бет накрыла её аккуратной шапочкой, а поскольку руки и ноги тоже отсутствовали, девочка вышла из этого положения, обернув куклу в одеяло и предоставила лучшую кукольную кровать этой тяжело больной. Если бы кто-нибудь узнал, какой внимательный уход был обеспечен этой кукле, я думаю, это тронуло бы его сердце, пусть даже одновременно рассмешив. Бет приносила ей букетики, читала вслух, выносила куклу подышать свежим воздухом, спрятав у себя под пальто, пела колыбельные и, ложась спать, всегда целовала её чумазое личико, нежно шепча: «Спокойной ночи, бедняжка».

У Бет, как и у других девочек, были свои трудности, и поскольку она была не ангелом, а просто очень человеческой девочкой, она частенько, как говорила Джо, «пускала слезу» из-за того, что не могла брать уроки музыки и иметь хорошее пианино. Она страстно любила музыку, изо всех сил пыталась научиться хорошо играть и так терпеливо упражнялась на дребезжащем старом пианино, что казалось, будто кто-то (не будем намекать на тётушку Марч) должен ей помочь, и никто не замечал, как Бет, оставшись одна, вытирала слёзы с пожелтевших клавиш расстроенного инструмента.

Она пела как ласточка во время работы, неумоимо тру-

дьясь ради мамочки и девочек, и день за днём с надеждой повторяла: «Я знаю, когда-нибудь у меня будет новое пианино, если буду хорошо себя вести». В мире много девочек, похожих на Бет, застенчивых и тихих, сидящих в уголке, пока их не позовут, и с радостью живущих ради других, но никто не замечает их жертвы, пока маленький сверчок за очагом¹⁹ не перестанет стрекотать и тёплое солнечное присутствие не исчезнет, оставив после себя лишь тишину и тень.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что было главной заботой в её жизни, она, не задумываясь, ответила бы: «Мой нос». Когда она была младенцем, Джо случайно уронила её в ведёрко с углём, и Эми настаивала, что это падение изуродовало ей нос навсегда. Он не был крупным или красным, как у бедняжки Петры²⁰, а лишь немного приплюснутым, и никакие прищепки не могли сделать его форму аристократической. Ни у кого, кроме самой Эми, её нос не вызывал нареканий, и хотя со временем он немного вырос, она страстно желала иметь греческий нос, и чтобы утешиться, изрисовывала огромное количество листов бумаги красивыми носами. Сёстры звали её «маленький Рафаэль» из-за её явного таланта к живописи, и она была просто счастлива, когда рисовала цветы, фей или создавала причудливые иллюстра-

¹⁹ Волшебный персонаж повести Диккенса (1845), входящей в состав «Рождественских повестей».

²⁰ Персонаж романа «Семейство, или Домашние радости и огорчения» шведской писательницы Фредрики Бремер (1801–1865).

ции к сказкам. Учителя жаловались, что, вместо того чтобы решать задачки, она рисовала разных зверей на грифельной доске и пустых страницах своего географического атласа, а листки с озорными карикатурами выпадали из её учебников в самые неподходящие моменты. Она училась в меру своих способностей и избегала замечаний учителей благодаря образцовому поведению. Одноклассницы её любили, так как она обладала покладистым характером и умела угождать без особых усилий. Её лёгкое важничанье и грациозность вызывали всеобщее восхищение, равно как и её таланты, поскольку кроме рисования она умела играть двенадцать мелодий на пианино, вязать крючком и читать по-французски, не коверкая больше двух третей слов. У неё была трогательная привычка жаловаться: «Когда папа был богат, мы делали то-то и то-то», а сложные слова, которые она употребляла, девочки считали «невероятно элегантными».

Эми вполне можно было избаловать, потому что все потакали ей, и её детское тщеславие и гордыня стремительно росли. Одно лишь обстоятельство ущемляло её самолюбие. Ей приходилось донашивать одежду кузины Флоренс, у матери которой начисто отсутствовал вкус, и Эми глубоко страдала от необходимости носить красную, а не синюю шляпку, платья, которые ей не подходили, и вычурные фартуки не по её фигуре. Вся одежда была хорошо, добротна сшита и лишь слегка поношена, но художественный вкус Эми, особенно этой зимой, был сильно оскорблён подаренным школьным

платьем тускло-фиолетового цвета в жёлтый горошек и совсем без отделки.

– Единственное моё утешение, – сказала она Мэг со слезами на глазах, – это то, что мама не подкалывает подол моих платьев, когда я капризничаю, как это делает мама Марии Паркс. Боже мой, это просто ужасно, потому что иногда она так плохо себя ведёт, что её платье доходит ей только до колен, и она не может прийти в школу в таком виде. Когда я думаю о такой *дискриминации*, я понимаю, что могу смириться даже со своим плоским носом и фиолетовым платьем в жёлтых кляксах.

Мэг была наставницей и воспитательницей для Эми, а Джо, из-за странного притяжения противоположностей, – для нежной Бет. Только с Джо эта застенчивая девочка делилась своими мыслями и неосознанно влияла на свою безалаберную старшую сестру гораздо сильнее, чем другие члены семьи. Две старшие девочки очень много значили друг для друга, но каждая брала под свою опеку одну из младших сестёр и присматривала за ней по-своему, «играя в дочки-матери», как они это называли, заменив своих брошенных кукол сёстрами и окружив их материнской заботой маленьких женщин.

– Кому-нибудь есть что рассказать? Сегодня был такой унылый день, что я просто умираю от желания как-нибудь отвлечься, – сказала Мэг, когда они сидели за шитьём в тот вечер.

– Сегодня у меня был забавный случай с тётей, и я с вами поделюсь, – начала Джо, которая очень любила рассказывать истории. – Я читала этого бесконечного Белшема и бубнила себе под нос, как всегда, потому что тётя быстро засыпает от чтения, и тогда я обычно достаю какую-нибудь хорошую книгу и читаю, как бешеная, пока она не проснётся. Меня саму чуть было не сморил сон, и прежде чем она начала клевать носом, я так широко зевнула, что она спросила меня, зачем я так широко открываю рот, уж не собираюсь ли я проглотить всю книгу целиком. «Хотела бы я это сделать и положить этому конец», – сказала я, стараясь не быть дерзкой. Потом она прочла мне длинную лекцию о моих грехах и велела сидеть и обдумывать их, пока она немного «подремлет». Она никогда быстро не просыпается, поэтому в ту минуту, когда её чепец начал раскачиваться, как увесистый георгин, я выхватила из кармана «*Уэйкфильдского священника*»²¹ и стала читать, поглядывая одним глазом в книгу, а другим – на тётю. Я как раз добралась до того места в книге, когда они все упали в воду, и, забыв о тёте, громко рассмеялась. Тётушка проснулась и, придя в благодушное настроение после сна, велела мне ещё немного почитать ей и показать, какое легкомысленное чтиво я предпочитаю достойному и поучительному Белшему. Я была в ударе, и ей понравилось моё чтение, но она только сказала: «Я не понимаю, о чём всё это. Прочти-ка сначала, дитя моё». Я начала сна-

²¹ Роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774).

чала и постаралась читать так, чтобы семейство Примрозов выглядело как можно интереснее. Один раз я была настолько коварна, что нарочно остановилась в каком-то захватывающем месте и кротко спросила тётю: «Боюсь, это утомляет вас, мэм. Не пора ли мне остановиться?» Она подхватила вязанье, выпавшее у неё из рук, резко на меня взглянула сквозь очки и коротко сказала: «Дочитывайте главу и не дерзите, мисс».

– А она призналась, что ей понравилось? – спросила Мэг.

– Бог с тобой, конечно, нет! Но она оставила старину Белшема в покое, а когда вечером я вернулась за своими перчатками, и вижу – вот это картина! – она так погрузилась в книгу про викария, что даже не услышала моего смеха, когда я танцевала джигу в холле в предвкушении лучших времён. Как хорошо бы ей жилось, если бы она только захотела! Я не очень ей завидую, несмотря на её деньги, потому что, в конце концов, у богатых людей столько же забот, сколько и у бедных, – добавила Джо.

– Это напомнило мне, – сказала Мэг, – что я тоже должна кое-что рассказать. Это не такая смешная история, как у Джо, но я много думала об этом по дороге домой. Сегодня у Кингов я застала всех в смятении, и одна из девочек сказала, что её старший брат натворил что-то ужасное, и папа выгнал его из дома. Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг очень громко что-то говорил, а Грейс и Эллен, проходя мимо меня, отворачивались, чтобы я не видела их

красные опухшие глаза. Я, конечно, не задавала никаких вопросов, но мне было их очень жалко, и я была рада, что у меня нет непослушных братьев, которые могли бы сделать что-то плохое и опозорить семью.

– Я думаю, что быть опозоренной в школе – это гораздо тяжелее, чем всё, что могут сделать плохие мальчики, – сказала Эми, качая головой, как будто у неё был очень богатый жизненный опыт. – Сьюзи Перкинс пришла сегодня в школу с прекрасным кольцом из красного сердолика. Я ужасно захотела себе такое же и страстно желала быть на её месте. Так вот, она нарисовала мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом, и слова: «Юные леди, я всё вижу!» – вылетали у него изо рта, как воздушный шар. Мы смеялись над этим рисунком, как вдруг его взгляд остановился на нас, и он приказал Сьюзи принести ему свою дощечку. Она застыла от страха, но всё-таки подошла, и что, по-вашему, он сделал? Он схватил её за ухо – за ухо! Только представьте себе, какой ужас! – отвёл её к помосту для выступлений и заставил стоять там полчаса, держа дощечку так, чтобы все видели.

– А девочки из класса не смеялись над этим рисунком? – спросила Джо, явно смакуя эту историю.

– Смеялись? Ни одна! Все сидели тихо, как мыши, а Сьюзи умоляла её простить, я точно знаю, так и было. Я ей тогда не завидовала, потому что чувствовала, что даже миллионы сердоликовых колец не сделали бы меня счастливой после этого. Я никогда, никогда не смогу пережить такого мучи-

тельного унижения. — И Эми продолжила шить, гордясь своей добродетелью и тем, что произнесла два последних длинных слова без запинки.

— Сегодня утром я увидела кое-что, что мне понравилось, и собиралась рассказать об этом за ужином, но забыла, — сказала Бет, приводя в порядок корзинку Джо, где царил полный хаос. — Когда я пошла в рыбную лавку за устрицами для Ханны, там был мистер Лоуренс, но он меня не заметил, потому что я стояла за бочкой с рыбой, а он разговаривал с мистером Каттером, хозяином этой лавки. Какая-то бедная женщина пришла с ведром и шваброй и спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей прибраться у него. За это она просила немного рыбы, потому что у неё ничего не было на ужин для своих детей, и никакой другой работы она в этот день найти не смогла. Мистеру Каттеру было некогда, и он довольно сердито отказал ей, и когда она собралась уходить с голодным и грустным видом, мистер Лоуренс подцепил одну крупную рыбу изогнутым концом своей трости и протянул ей. Она так обрадовалась и удивилась, что взяла её обеими руками и поблагодарила несколько раз. Он велел ей «пойти и приготовить её», и она поспешно удалилась, такая счастливая! Разве это не хорошо с его стороны? Она так забавно обнимала эту большую, скользкую рыбу, желая мистеру Лоуренсу «мягкой постели на небесах».

Посмеявшись над историей Бет, они попросили матушку тоже что-нибудь рассказать им, и, немного подумав, она с

серьёзным видом заговорила:

– Сегодня, когда я сидела в комнате и кроила синие фланелевые куртки, я очень беспокоилась об отце и подумала, как мы будем одиноки и беспомощны, если с ним что-нибудь случится. Это было неразумно, но я не могла успокоиться, пока не пришёл один старик, чтобы заказать кое-какую одежду. Он сел рядом со мной, и я с ним заговорила, потому что он выглядел бедным, усталым и встревоженным. «У вас есть сыновья в армии?» – спросила я, потому что записка, которую он принёс, была адресована не мне. «Да, мэм. У меня было четверо сыновей, но двое погибли, один в плену, а я еду к четвёртому, который очень болен и лежит в госпитале в Вашингтоне», – тихо ответил он. «Вы много сделали для нашей страны, сэр», – сказала я, теперь чувствуя не жалость, а уважение. «Ничуть не больше, чем должен был, мэм. Я бы и сам пошёл воевать, если бы от меня была хоть какая-то польза. А раз я остался, то я отдаю своих мальчиков и ничего не требую взамен». Он говорил таким бодрым голосом, выглядел таким искренним и, казалось, был так рад отдать всё, что у него было, и мне стало стыдно. Я отдала стране одного человека и думала, что это слишком много, в то время как он отдал четверых, ничуть не жалея об этом. Все мои дочки дома и утешают меня, а его единственный, оставшийся в живых, сын ждёт за много миль отсюда, чтобы, возможно, попрощаться с отцом навсегда! Вспомнив о дарованных мне благах, я почувствовала себя такой богатой, такой счастли-

вой, что собрала ему большой сверток, дала немного денег и сердечно поблагодарила за урок, который он мне преподавал.

– Расскажите ещё одну историю, матушка, с моралью, как эта. Я люблю вспоминать о них потом, если они жизненные и не слишком нравоучительные, – сказала Джо после минутного молчания.

Миссис Марч улыбнулась и сразу же заговорила, потому что она много лет рассказывала истории этой небольшой аудитории и знала, как ей угодить.

– Давным-давно жили-были четыре девочки, у которых было достаточно еды, питья и одежды, много удовольствий и развлечений, добрые друзья и родители, которые нежно любили их, и всё же они не были довольны. (Тут слушательницы украдкой переглянулись и принялись усердно шить.) Эти девочки старались вести себя хорошо, и у них было множество благих намерений, но они не очень хорошо им соответствовали и постоянно говорили: «Ах, если бы только у нас было это» или: «Вот если бы мы только могли сделать то», совершенно забывая, как много у них уже было и как много они действительно могли сделать. Так, они однажды спросили у одной старушки, есть ли такое заклинание, чтобы сделать их счастливыми, и она ответила: «Когда вы чувствуете себя недовольными, подумайте о благах, дарованных вам, и будьте благодарны» (тут Джо быстро подняла глаза, как будто собираясь что-то сказать, но передумала, видя, что история ещё не закончена). Будучи благоразумными девочками,

они решили воспользоваться её советом и вскоре с удивлением обнаружили, как хорошо им живётся. Одна утверждала, что деньги не могут избавить богатые дома от стыда и горя, другая – что хотя она и бедна, но с её молодостью, здоровьем и хорошим настроением она гораздо счастливее, чем какая-нибудь капризная, немощная старуха, которая не может наслаждаться тем, что имеет, третья – что, как ни мучительно помогать готовить обед, но просить милостыню ещё труднее, а четвёртая – что даже кольца с сердоликом не так ценны, как хорошее поведение. Поэтому они решили перестать жаловаться и радоваться уже имеющимся благам и стараться заслужить их, потому что они могут их лишиться, а не преумножить, и я думаю, что они никогда не разочаровались в том, что последовали совету старушки.

– Ну, мамочка, это было очень хитро с вашей стороны, что вы обратили наши собственные истории против нас, и мы выслушали наставления вместо рассказа! – воскликнула Мэг.

– Мне нравятся такие наставления – папа говорил нам то же самое, – задумчиво сказала Бет, аккуратно втыкая иголки в подушечку Джо.

– Я не жалуясь так часто, как другие, и теперь буду осторожнее, чем когда-либо, потому что проступок Сьюзи стал мне предупреждением, – нравоучительно сказала Эми.

– Нам нужен был этот урок, и мы его не забудем. А если забудем, то просто скажите нам, как это сделала старая Хлоя

в «Хижине дяди Тома»²²: «Думайте о милосердии Божьем, дети», – добавила Джо, которая – что с ней поделать! – всё-таки нашла частичку юмора в этом наставлении, хотя и приняла его так же близко к сердцу, как и её сёстры.

²² Знаменитый антирабовладельческий роман американской аболиционистки Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896).

Глава 5

Добрые соседи

– Ради всего святого, Джо, куда ты собралась? – спросила Мэг однажды снежным днем, когда её сестра топала по коридору в резиновых сапогах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой.

– Иду на улицу размяться, – ответила Джо с озорным блеском в глазах. – Думаю, двух долгих утренних прогулок будет достаточно!

– На улице холодно и пасмурно, и я советую тебе оставаться дома у огня, где тепло и сухо, как это делаю я, – сказала Мэг, поёжившись.

– Никогда не слушаю советов! Не могу весь день сидеть на месте, я не кошка, чтобы дремать у огня. Я люблю приключения и отправляюсь на их поиски.

Мэг вернулась, чтобы погреть ноги у камина и почитать «Айвенго», а Джо принялась энергично очищать от снега дорожки возле дома. Снег был рыхлый, и вскоре она расчистила метлой дорожку вокруг сада, чтобы Бет могла там гулять, когда выглянет солнце и куклам-инвалидам понадобится свежий воздух. Итак, сад отделял дом Марчей от дома мистера Лоуренса. Дома стояли на окраине города, который всё ещё был похож на деревню с рощами и лужайками, боль-

шими садами и тихими улицами. Невысокая живая изгородь разделяла два владения. По одну сторону изгороди стоял старый коричневый дом, выглядевший довольно обветшалым и голым, так как зимой лишился виноградных лоз, которые летом обвивали его стены, и цветов, которые его окружали. А по другую – величественный каменный особняк, всем своим видом говоря о всевозможных удобствах и роскоши: от большого каретного сарая и ухоженного сада до оранжереи и очертаний роскошной обстановки, которые проглядывали сквозь богатые занавеси на окнах. И всё же этот дом казался одиноким, лишённым жизни, потому что ни один ребёнок не резвился на лужайке, ни одно материнское лицо никогда не улыбалось в окне, и мало кто входил и выходил из него, кроме старого джентльмена и его внука.

Для живого воображения Джо этот прекрасный дом был чем-то вроде волшебного замка, полного великолепия и удовольствий, которыми никто не наслаждался. Она давно мечтала увидеть то, что скрыто за этой красотой, и узнать поближе Лоуренса-младшего, который выглядел так, словно был не прочь познакомиться, если бы знал, с чего начать. После вечеринки она ещё больше горела желанием подружиться с ним, выдумывая для этого различные поводы, но в последнее время его не было видно, и Джо начала думать, что он уехал, как вдруг однажды она заметила в верхнем окне смуглое лицо, задумчиво устремившее взор вниз, на их сад, где Бет и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик так страдает без общения и развлечений, – сказала она себе. – Его дедушка не знает, что ему пойдёт на пользу, и держит его взаперти в полном одиночестве. Ему нужна компания весёлых мальчишек, с которыми можно поиграть, или ещё кто-нибудь молодой и весёлый. Я готова сама пойти и сказать об этом старому джентльмену!»

Эта мысль захватила Джо, которая любила совершать смелые поступки и всегда шокировала Мэг своим странным поведением. План «похода к дедушке» не был забыт, и в этот снежный день Джо решила предпринять попытку. Она видела, как мистер Лоуренс отъехал от дома в экипаже, и стала прокладывать себе путь в снегу, чтобы пробиться к живой изгороди, а потом остановилась и огляделась. Всё было тихо, занавеси на нижних окнах опущены, не было видно ни слуг, ни других людей, кроме головы с вьющимися чёрными волосами, опирающейся на тонкую руку у окна наверху.

«Вот он, – подумала Джо, – бедный мальчик! Он совсем один, и ему тоскливо в этот унылый день. Так не должно быть! Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул из окна, а потом скажу ему доброе слово». И вот пригоршня мягкого снега полетела вверх, и голова сразу повернулась, показалось лицо, с которого тут же исчезло безразличное выражение, большие глаза заблестели, а губы растянулись в улыбке. Джо кивнула, засмеялась и, размахивая метлой, крикнула:

– Как дела? Ты что, заболел?

Лори открыл окно и хрипло прокаркал, как ворон:

– Мне уже лучше, спасибо. Я сильно простудился и неделю сидел взаперти.

– Сочувствую. А как ты развлекаешься?

– Никак. Здесь скучно, как в склепе.

– Ты что, не читаешь?

– Не так много. Мне не позволяют.

– А разве тебе никто не может почитать?

– Дедушка иногда читает, но мои книги ему неинтересны, а всё время просить Брука мне совсем не хочется.

– Тогда пусть кто-нибудь тебя навестит.

– Здесь нет того, кого я хотел бы видеть. Мальчишки так шумят, что у меня голова идёт кругом.

– Разве нет какой-нибудь милой девочки, которая почтала бы тебе и развлекала? Девочки не шумят и любят играть в медсестёр.

– Не знаю ни одной.

– Ты же знаешь нас, – начала Джо, потом рассмеялась и замолчала.

– Так и есть! Пожалуйста, заходи! – воскликнул Лори.

– Я, правда, не милая тихоня, но приду, если мама позволит. Пойду спрошу у неё. Закрой окно, будь хорошим мальчиком и жди моего прихода.

С этими словами Джо вскинула на плечо метлу и зашагала в дом, гадая, что ей скажут мама и сёстры. Лори взволновала мысль, что ему будет с кем пообщаться, и он поспешил подготовиться, и, будучи «маленьким джентльменом», как на-

звала его миссис Марч, он решил оказать честь ожидаемой гостье, расчесав копну своих вьющихся волос, надев свежий воротничок и попытавшись навести порядок в своей комнате, которая, несмотря на полдюжины слуг, совсем не выглядела опрятной. Вскоре раздался громкий звонок, затем решительный голос, спросивший «мистера Лори», и удивленный слуга побежал доложить о появлении молодой леди.

– Хорошо, проводите её сюда, это мисс Джо, – сказал Лори, направляясь к двери своего маленького кабинета, чтобы приветствовать Джо, которая появилась, румяная и такая непринуждённая, с накрытым блюдом в одной руке и тремя котятками Бет в другой.

– А вот и я со своими пожитками, – быстро сказала она. – Мама передаёт тебе привет и будет рада, если я смогу тебе чем-нибудь помочь. Мэг захотела, чтобы я принесла тебе её бланманже, оно у неё очень хорошо получается, а Бет подумала, что её котята развлекут тебя. Я подумала, что это тебя позабавит, и не смогла им отказать.

Так получилось, что забавное одолжение Бет было как раз тем, что нужно Лори, так как, смеясь над котятками, он забыл о своей застенчивости и сразу стал куда общительнее.

– Это слишком красивое блюдо, чтобы его есть, – сказал он с довольной улыбкой, когда Джо сняла крышку и показала бланманже, окружённое гирляндой зелёных листьев и алыми цветами любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто все они хотели сделать для

тебя что-нибудь хорошее. Скажи служанке, чтобы она подала это к чаю. Это лёгкое блюдо, тебе можно его есть, и так как оно нежное, то не будет раздражать твоё больное горло. Какая у тебя уютная комната!

– Может, и уютная, если бы её убিরали почаще, но горничные ленивы, и я не знаю, как заставить их уделять этому больше внимания. Меня это расстраивает.

– Я приведу здесь всё в порядок за две минуты: всего-то нужно вымести золу из камина, вот так... и аккуратно расставить вещи на каминной полке, вот так... книги положить сюда, и флакончики туда, и диван отвернуть от окна, а подушки немного взбить. Ну вот, мы и навели здесь порядок.

Так и было, потому что, смеясь и болтая, Джо расставляла вещи по местам и придавала комнате совершенно иной вид. Лори наблюдал за ней в почтительном молчании, а когда она пригласила его присесть на диван, он так и сделал и, удовлетворенно вздохнув, сказал с благодарностью:

– Как ты добра! Да, это именно то, что нужно. А теперь, пожалуйста, садись в большое кресло и позволь мне развлечь свою гостью.

– Нет, это я пришла тебя развлечь. Может, мне почитать вслух? – И Джо с нежностью посмотрела на некоторые заманчивые книги, лежавшие рядом с ней.

– Спасибо! Но я всё это уже прочёл, и если не возражаешь, давай лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Не возражаю. Я готова болтать целый день, если мне

дать волю. Бет говорит, что я не знаю, когда остановиться.

— А Бет — это та румяная девочка, которая всё время сидит дома и изредка выходит на улицу с корзинкой? — с интересом спросил Лори.

— Да, это Бет, моя сестрёнка, и к тому же очень хорошая.

— Симпатичная — это Мэг, а кудрявая — Эми, кажется?

— Откуда ты это знаешь?

Лори покраснел, но честно ответил:

— Видишь ли, я часто слышу, как вы зовёте друг друга по имени, и когда я здесь сижу в одиночестве, то невольно смотрю на ваш дом, вы всегда так хорошо проводите время. Прошу прощения за грубость, но иногда вы забываете опустить занавеску на окне, где стоят цветы. А когда зажигают лампы, это всё равно, что смотреть на картину, на которой камин, и вы все сидите за столом с вашей матерью. Её лицо в обрамлении цветов прямо напротив окна, и оно такое милое, что я не могу отвести глаз. У меня нет матери, ты же знаешь. — И Лори поворошил угли в камине, чтобы скрыть лёгкую дрожь губ, которую он никак не мог унять.

Его взгляд, полный одиночества и страдания, проник прямо в сердце отзывчивой Джо. Её так бесхитростно воспитывали, что в её голове не было места для глупостей, и в пятнадцать лет она была невинной и открытой, как ребёнок. Лори болел и был одинок, и, чувствуя, что её дом богат счастьем, она была рада поделиться и с ним. Её лицо было очень дружелюбным, а её обычно резкий голос стал необычайно мяг-

ким, когда она сказала:

– Мы больше не будем закрывать наше окно занавеской, смотри на нас сколько хочешь. Но мне бы хотелось, чтобы вместо подглядывания ты бы пришёл к нам в гости. Мама такая чудесная, она будет к тебе очень добра, Бет споёт тебе, если я её попрошу, а Эми станцует. Я и Мэг рассмешим тебя нашими забавными сценками, и мы все хорошо повеселимся. Как ты думаешь, твой дедушка тебе разрешит?

– Думаю, он бы разрешил, если бы твоя мама попросила. Он очень добрый, хотя по нему этого не скажешь, и позволяет мне делать то, что я хочу, даже слишком мне потворствует, он только боится, что я буду обузой для посторонних, – начал Лори, все больше и больше оживляясь.

– Мы не посторонние, мы ваши соседи, даже не думай, что ты нам помешаешь. Мы хотим лучше узнать тебя, и я так давно пыталась это сделать. Мы, знаешь ли, только недавно здесь поселились, но уже познакомились со всеми соседями, кроме вас.

– Понимаешь, дедушка живёт среди своих книг, и ему нет дела до того, что происходит вокруг. Мистер Брук, мой воспитатель, с нами не живёт, и мне не с кем гулять, так что я просто остаюсь дома и занимаюсь чем попало.

– Это плохо. Постарайся ходить в гости везде, куда тебя приглашают, тогда у тебя будет много друзей и приятных мест, куда можно пойти. Забудь про свою робость. Это быстро пройдёт, если ты будешь часто ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся, что его упрекнули в застенчивости, ведь Джо была так доброжелательна, и её прямолинейные слова нельзя было истолковать иначе, чем идущие от чистого сердца.

– Тебе нравится твоя школа? – спросил мальчик, меняя тему разговора после небольшой паузы, во время которой он смотрел на огонь, а Джо оглядывала комнату, очень довольная своей уборкой.

– Я не хожу в школу, я деловой человек, вернее сказать, я работаю. Я ухаживаю за своей двоюродной бабушкой, а она презлая старушка, сказать по правде, – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы задать ещё один вопрос, но вовремя вспомнив, что много расспрашивать о чужих делах невежливо, замолчал с неловким видом. Джо оценила его хорошее воспитание, к тому же она была не прочь посмеяться над тётушкой Марч, в красках описав неугомонную старую леди, её толстого пуделя, попугая, который говорил по-испански, и библиотеку, где она наслаждалась хорошими книгами. Лори это очень понравилось, и когда она рассказала о чопорном старом джентльмене, который однажды пришёл свататься к тётушке Марч, а в середине его прекрасной речи, к великому ужасу жениха, попугай Попка сорвал с него парик, мальчик откинулся на спинку дивана и хохотал до слёз так, что горничная просунула голову в комнату, чтобы посмотреть, что там происходит.

– О! Смех мне безмерно полезен. Расскажи что-нибудь

ещё, пожалуйста, — сказал он, подняв с диванной подушки сияющее лицо, покрасневшее от смеха.

Окрылённая успехом, Джо продолжала свой рассказ об их пьесах и планах, надеждах и страхах за отца и о самых интересных событиях маленького мира, в котором жили она и её сёстры. Потом они заговорили о чтении, и, к радости Джо, она обнаружила, что Лори тоже очень любит читать и прочёл их даже больше, чем она сама.

— Если тебе так нравится читать, давай спустимся и посмотрим на наши книги. Дедушка ушёл, так что не бойся, — сказал Лори, поднимаясь с дивана.

— Я не из робкого десятка, — ответила Джо, тряхнув головой.

— Неужели! — воскликнул мальчик, глядя на неё с большим восхищением, хотя в глубине души полагал, что у неё были бы веские основания немного побаиваться старого джентльмена, если бы она застала его в дурном настроении.

В доме было тепло, словно летом, и Лори водил её из комнаты в комнату, позволяя Джо останавливаться, чтобы рассмотреть всё, что поражало её воображение. И вот наконец они пришли в библиотеку, где она захлопала в ладоши и запрыгала, как обычно делала, когда была чем-то сильно восхищена. Вдоль стен комнаты тянулись полки с книгами, там были картины, статуэтки, маленькие застеклённые шкафчики с коллекциями монет и дикувинок, глубокие стеганные кресла, причудливые столы, бронзовые фигурки и, что самое

главное, большой камин, отделанный затейливыми изразцами.

– Какое богатство! – вздохнула Джо, опускаясь в глубину велюрового кресла и оглядываясь вокруг с выражением глубокого удовлетворения. – Теодор Лоуренс, ты, должно быть, самый счастливый мальчик на свете, – внушительно добавила она.

– Человек не может жить только книгами, – покачал головой Лори, усаживаясь на стол напротив.

Не успел он договорить, как зазвонил колокольчик, и Джо вскочила, воскликнув с тревогой:

– Бог мой! Это твой дедушка!

– А что такого? Ты ведь не из робкого десятка, – лукаво ответил мальчик.

– Мне кажется, я немного побаиваюсь его, сама не знаю почему. Матушка разрешила мне к тебе прийти, и я не думаю, что тебе от этого стало хуже, – сказала Джо, взяв себя в руки, хотя при этом она не сводила глаз с двери.

– Я чувствую себя намного лучше, и я тебе очень благодарен за это. Боюсь только, что разговор со мной тебя утомил, но мне было так приятно, что я не мог остановиться, – с благодарностью сказал Лори.

– К вам доктор, сэр. – И горничная поманила его рукой.

– Ты не против, если я оставлю тебя на минутку? Наверное, я должен его принять, – сказал Лори.

– Не обращай на меня внимания. Я от счастья сама не

своя, — ответила Джо.

Лори вышел, а его гостья развлекалась в одиночестве. Когда дверь снова отворилась, Джо стояла перед прекрасным портретом старого джентельмена и, не оборачиваясь, решительно заявила:

— Теперь я уверена, что мне не следует его бояться, потому что у него добрые глаза, хотя его губы сурово сжаты, и он выглядит как человек с огромной силой воли. Он не так красив, как мой дедушка, но он мне нравится.

— Благодарю вас, мэм, — раздался хриплый голос за её спиной, и когда она обернулась, к её великому ужасу, увидела перед собой старого мистера Лоуренса.

Бедняжка Джо залилась краской так, что покраснеть ещё сильнее было невозможно, и сердце её тревожно забилося, когда она подумала о том, что сказала. На мгновение её охватило дикое желание убежать, но это было бы трусостью, и девочки дома смеялись бы над ней, поэтому она решила остаться и выбраться из этой передраги на свой страх и риск. Посмотрев внимательнее, она увидела, что живые глаза под густыми бровями были даже лучше, чем на картине, и в них сверкал лукавый огонёк, который значительно уменьшил её страх. Хриплый голос прозвучал резче, чем прежде, и старый джентльмен внезапно спросил после ужасной паузы:

— Значит, вы меня не боитесь, да?

— Немного, сэр.

— И вы не считаете меня таким же красивым, как ваш де-

душка?

– Не совсем, сэр.

– И у меня огромная сила воли, не так ли?

– Я только сказала, что я так думаю.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на это?

– Да, нравитесь, сэр.

Этот ответ обрадовал старого джентльмена. Он усмехнулся, пожал ей руку и, взяв её пальцем за подбородок, поднял потупившееся лицо, серьёзно осмотрел его и отпустил, сказал, кивнув головой:

– У вас характер вашего деда, хотя внешне вы на него не похожи. Он был прекрасным человеком, моя дорогая, но что ещё важнее, он был храбрым и честным, и я горжусь нашей дружбой с ним.

– Спасибо, сэр. – И после этих слов Джо почувствовала себя совершенно спокойной, потому что слова старого джентльмена были ей по душе.

– Чем это вы тут занимались с моим мальчиком, а? – последовал прямой вопрос.

– Просто пыталась вести себя по-соседски, сэр.

И Джо подробно рассказала о своём визите.

– Вы считаете, его нужно немного подбодрить?

– Да, сэр, ему, кажется, немного одиноко, и общество молодых людей, возможно, пошло бы ему на пользу. Мы всего лишь девочки, но мы были бы рады помочь Лори, если бы могли, потому что мы не забываем о великолепном рож-

дественском подарке, который вы нам прислали, – с жаром сказала Джо.

– Ц-ц-ц! Благодарите моего мальчика. Как поживает та бедная женщина?

– Неплохо, сэр. – И Джо торопливо выпалила историю о семье Хюммель, в судьбе которой её мать смогла заинтересовать людей более состоятельных, чем они сами.

– Прямо как её отец, который делал всем добро. На днях я зайду повидать вашу мать. Так ей и передайте. А вот и колокольчик звонит к чаю – мы теперь рано пьём чай из-за болезни мальчика. Спускайтесь и продолжайте вести себя по-соседски.

– Если вы так хотите, сэр.

– Я бы не стал вас приглашать, если бы не хотел. – И мистер Лоуренс со старомодной учтивостью предложил ей руку.

«Что бы сказала на это Мэг?» – подумала Джо, когда её сопровождали к чаю, а в глазах её плясали весёлые огоньки, когда она представила, как будет рассказывать эту историю дома.

– Эй! Что, чёрт возьми, случилось с этим парнем? – спросил старый джентльмен, когда Лори сбежал вниз и остолбенел от неожиданности, увидев Джо под руку со своим грозным дедушкой.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал он, когда Джо бросила на него торжествующий взгляд.

– Это очевидно, судя по тому, как вы грохочете, сбегая вниз. Пойдёмте пить чай, сэр, и ведите себя как джентльмен. – И ласково взъерошив волосы мальчика, мистер Лоуренс двинулся дальше под руку с Джо, в то время как Лори за их спинами принимал разные комические позы, чем едва не заставил её расхохотаться.

Старый джентльмен почти не разговаривал, выпив четыре чашки чая, пока наблюдал за молодыми людьми, которые вскоре начали болтать, как старые друзья, и перемена в его внучке от него не ускользнула. К его лицу вернулись цвет, лучезарность и жизнь, к его поведению – энергия, а смех его стал искренне весёлым.

«Она права, парню одиноко. Посмотрим, как эти девочки смогут ему помочь», – подумал мистер Лоуренс, наблюдая и слушая. Джо ему понравилась, потому что ему импонировали её странные, грубоватые манеры, и она, казалось, понимала Лори почти так же хорошо, как если бы сама была мальчишкой.

Если бы Лоуренсы были тем, кого Джо называла «чопорными и высокомерными», она бы с ними вообще не поладила, потому что в присутствии таких людей она всегда чувствовала себя застенчиво и неловко. Но находя их свободными и непринуждёнными, она вела себя так же и производила хорошее впечатление. Когда все встали из-за стола, она собралась идти домой, но Лори сказал, что хочет показать ей ещё кое-что, и повел её в оранжерею, где специально для неё

зажгли свет. Джо казалось, что она попала в сказку: она ходила туда-сюда по дорожкам, наслаждаясь стенами из цветов по обеим сторонам, мягким светом, влажным сладким воздухом, чудесными выющимися растениями и ветками деревьев у неё над головой, в то время как её новый друг срезал самые прекрасные цветы, пока у него в руках не оказалась целая охапка. Потом он перевязал их, сказав со счастливым видом, который так понравился Джо:

– Пожалуйста, передай этот букет своей матери и скажи, что мне очень помогло лекарство, которое она мне прислала.

Вернувшись в дом, они увидели, что мистер Лоуренс стоит перед камином в большой гостиной, но внимание Джо целиком привлёк открытый рояль.

– А ты играешь? – спросила она, повернувшись к Лори и глядя на него с уважением.

– Иногда, – скромно ответил он.

– Пожалуйста, поиграй. Я хочу послушать, чтобы потом рассказать Бет.

– Сыграй ты первая.

– Я не умею. Я слишком глупая и никак не могу этому научиться, но я очень люблю музыку.

Поэтому Лори начал играть на рояле, а Джо слушала, с наслаждением зарывшись носом в букет из гелиотропов и чайных роз. Её уважение и почтение к Лоуренсу-младшему сильно возросло, потому что он играл замечательно, при этом не напуская на себя важного вида. Ей хотелось, чтобы

Бет слышала его игру, но она не сказала этого вслух, а только стала его нахваливать, пока он не смутился, и дед не пришёл ему на помощь:

– Довольно, довольно хвалить его, юная леди. Ему вредно много сладкого. Играет он неплохо, но я надеюсь, что он не меньше преуспеет и в более важных делах. Уходите? Что ж, я очень вам благодарен и надеюсь, что вы придёте к нам ещё. Передайте моё почтение вашей матушке. Спокойной ночи, доктор Джо. – Он ласково пожал ей руку, но вид у него был такой, словно ему что-то не понравилось. Когда они вышли в холл, Джо спросила Лори, не сказала ли она чего-нибудь лишнего. Он покачал головой.

– Нет, это из-за меня. Он не любит, когда я играю на рояле.

– А почему он против этого?

– Как-нибудь расскажу. Джон проводит тебя домой – я не могу.

– Не стоит беспокоиться. Я не корчу из себя юную леди, и до моего дома всего лишь пара шагов. Будь здоров!

– Ладно, но ты, надеюсь, придёшь к нам ещё?

– Если ты пообещаешь зайти к нам, когда поправишься.

– Обязательно.

– Спокойной ночи, Лори!

– Спокойной ночи, Джо, спокойной ночи!

Когда рассказ обо всех приключениях этого дня был окончен, вся семья изъявила желание отправиться в гости в пол-

ном составе, так как каждая нашла что-то очень привлекательное лично для себя в большом доме по ту сторону жилой изгороди. Миссис Марч хотела поговорить об отце со стариком, который помнил его, Мэг мечтала прогуляться по оранжерее, Бет вздыхала о рояле, а Эми не терпелось увидеть прекрасные картины и статуэтки.

– Мама, а почему мистеру Лоуренсу не понравилось, что Лори играл на рояле? – спросила Джо, которая была любопытна.

– Я не уверена, но думаю, что причина в том, что его сын, отец Лори, женился на итальянской музыкантше, и она пришлась не по вкусу высокомерному старику. Эта дама была добра, привлекательна и хорошо воспитана, но она ему не нравилась, и после женитьбы своего сына он перестал с ним общаться. Родители Лори умерли, когда он был совсем маленьким, и дедушка забрал внука к себе домой. Мне кажется, что у родившегося в Италии мальчика не очень крепкое здоровье, и старик боится потерять его, поэтому он такой осторожный. У Лори естественная любовь к музыке, так как он пошёл в свою мать, и я думаю, его дед опасается, что он захочет стать музыкантом. Во всяком случае, талант внука напоминает ему о женщине, которая ему не нравилась, и поэтому он сердился, как ты сказала, Джо.

– О боже, как это романтично! – воскликнула Мэг.

– Как глупо! – сказала Джо. – Пусть он станет музыкантом, если хочет, и пусть старик не портит ему жизнь, отправляя

его в колледж, который ему так ненавистен.

– Наверное, поэтому у него такие красивые чёрные глаза и изящные манеры. Итальянцы такие славные, – сказала Мэг, которая была немного сентиментальна.

– Откуда ты знаешь, какие у него глаза и манеры? Вы же с ним почти не разговаривали, – воскликнула Джо, которая совсем не была сентиментальна.

– Я видела его на вечеринке, и, судя по твоим рассказам, он знает, как себя вести. Он так мило отозвался о лекарстве, которое прислала ему мама.

– Он, наверное, имел в виду бланманже.

– Какая же ты глупая, детка! Он, конечно, имел в виду тебя.

– Неужели? – И Джо открыла глаза, как будто ей это даже не приходило в голову.

– В жизни не встречала такой девочки! Ты не понимаешь, когда тебе делают комплименты, – сказала Мэг с видом молодой леди, которая прекрасно разбирается в таких вещах.

– Я думаю, что комплименты – сущая чепуха, и я буду благодарна тебе, если ты не будешь портить мне настроение своими глупостями. Лори хороший мальчик, он мне нравится, но я не потерплю никаких сентиментальных разговоров о комплиментах и прочей ерунде. Мы все будем добры к нему, потому что у него нет мамы, и он может прийти к нам в гости, правда, мамочка?

– Да, Джо, твой юный друг будет самым желанным гостем,

и я надеюсь, Мэг не забудет, что дети должны оставаться детьми как можно дольше.

– Я не считаю себя ребёнком, хотя я ещё не достигла подросткового возраста, – заметила Эми. – А ты что скажешь, Бет?

– Я думала о нашем «Путешествии пилигрима», – ответила Бет, которая не прислушивалась к разговору. – Как, решив быть хорошими, мы выбрались из Топи и прошли сквозь Тесные Врата, с трудом поднялись на Крутой Холм, и что на нём может стоять тот дом, полный великолепных вещей, который станет нашим Украшенным Чертогом.

– Но сначала мы должны пройти мимо львов, – сказала Джо, как будто её привлекала такая перспектива.

Глава 6

Бет находит украшенный чертог

Большой дом Лоуренсов действительно оказался Украшенным Чертогом, хотя сёстрам потребовалось некоторое время, чтобы попасть внутрь, и Бет было очень трудно пройти мимо львов, самым главным из которых был старый мистер. Но после того как он навестил их дома, сказав что-то смешное или доброе каждой из девочек и поговорив о былых временах с их матерью, все перестали бояться его, кроме робкой Бет. Другим львом была их бедность. Лори был богат, и потому они стеснялись принимать его знаки внимания, на которые они не могли ответить. Но через некоторое время стало ясно, что это он считает их благодетелями и не может выразить свою благодарность миссис Марч за её материнское участие, за весёлое общество девочек и за уют, окружавший её в их скромном доме. Так что вскоре они забыли о своей гордости и открыто оказывали друг другу знаки внимания, не задумываясь, кто из них был щедрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.